

Шестеро выжили, чтобы
рассказать свою историю.
Но кто из них говорит
правду?

Автор бестселлеров *New York Times* и *USA Today*

КОДИ КЕПЛИНГЕР

Young Adult. Психологическая проза

Коди Кеплингер

Все было не так

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кеплингер К.

Все было не так / К. Кеплингер — «Эксмо», 2018 — (Young Adult. Психологическая проза)

ISBN 978-5-04-101251-9

Три года назад мы пережили массовую стрельбу в средней школе. Три года назад моя лучшая подруга, Сара, была убита. Все жители города знакомы с ее историей: она погибла, защищая то, во что верила. Но это ложь. Я была с ней рядом в тот злополучный момент. Сразу после трагедии мне было страшно признаться, а теперь жизни людей в опасности из-за моего молчания. Родители Сары решили издать книгу о своей дочери, которая полностью исказила ее историю. И у меня остался последний шанс рассказать, что произошло на самом деле. Однако я не единственная выжившая, у кого есть своя правда. И неизвестно, что будет хуже: чувство вины за молчание или последствия моих слов. Но я должна объяснить людям, что все было не так...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-101251-9

© Кеплингер К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Эсси Тейлор	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Коди Кеплингер

Все было не так

© Медведь О., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Дорогой читатель!

Я не знаю, кто это будет читать. Даже не знаю, должен ли кто-то.

Но мне нужно было это записать после всего произошедшего. Потому что, несмотря на полученные за последние несколько месяцев ответы, я все еще настолько же потеряна, как три года назад.

Ты уже знаешь часть истории. В первые месяцы после этого убийства выходили специальные выпуски, статьи, часовой документальный фильм и даже серия популярной подростковой драмы, основанная на событиях, произошедших в старшей школе округа Вирджил. И если ты за последние три года хотя бы раз бывал в христианской церкви, то определенно слышал о Саре Макхейл, девушке с крестиком на шее. Девушке, которая умерла, защищая свою веру.

Вероятно, мое имя менее известно. Даже если ты когда-нибудь его слышал, то уже наверняка забыл. Но я была лучшей подругой Сары. Одной из тех девушек, что находились с ней в туалете в день ее убийства. И я – Лиэнн Бауэр – являюсь одним из шести свидетелей, переживших стрельбу.

Многое из того, что, как вам кажется, вы знаете о том дне, – неправда. Все истории перемешались, изменились, прошли десятки различных фильтров.

В течение непродолжительного времени все следили за нашей школой. Все хотели получить кусочек трагедии. Но через несколько недель репортеры и камеры исчезли, переключились на другую историю.

А мы, выжившие, никуда не делись и все еще перебирали обломки. Несмотря на то что двадцатичетырехчасовой новостной цикл двинулся дальше, наши истории только начались. И сейчас стянулись в узел фактов и вымысла.

Что-то из этого – по крайней мере когда речь идет о Саре Макхейл – моя вина.

Наша школа вскоре снова появится в новостях. Люди начнут вспоминать наши имена, изучать наши истории. Только озвученные рассказы не правдивы. Я подумала, было бы неплохо собрать все кусочки правды и чтобы мы, выжившие, поделились тем, что произошло с нами в тот день и после. Но после нескольких месяцев установления истины я начинаю думать, что, возможно, ошибалась.

Какую-то правду лучше забыть.

Поэтому я все записываю. Все, что случилось этой весной, все, что я выяснила. Я сложу все воедино и, возможно – я на это надеюсь, – когда закончу, буду знать, что делать.

Я просыпаюсь каждое утро с мыслями о смерти.

В основном они представляют собой ровный реальный гул, который легко заглушить, прикладывая чуточку усилий и ежедневно принимая таблетки. Но в конце февраля, когда дело близится к годовщине, гул начинает набирать силу, становится громче, четче, его практиче-

ски невозможно игнорировать. В этот самый день он напоминает грохочущий бас, невероятно разрушительное *crescendo*¹, раскалывающее голову.

Этот год, третья годовщина стрельбы, не стал исключением. Я встала только после одиннадцати и все равно была измотана из-за проведенной в кошмарах ночи. На телефоне уже поджидали сообщения.

Берегись мартовских ид². Сегодня все в порядке? – от Эшли Чемберс, которая всегда выходит на связь первой.

Мы вшестером стали непосредственными свидетелями стрельбы и выжили. До этого дня мы едва знали друг друга. То есть кто-то из нас ходил на одни и те же уроки. Мы знали, кого как зовут. Все-таки наш округ совсем небольшой. Но до этого дня мы почти не общались друг с другом. И начали поддерживать связь только после стрельбы.

Точнее, пятеро из нас.

Иден Мартинез и Денни Лукас уже ответили. У меня все хорошо. Надеюсь, все сегодня в порядке и у меня все ок. Береги себя сегодня.

Я написала свой ответ: Еще жива. Рада, что вы есть у меня. А потом вернулась в самое начало переписки и посмотрела на имена. Я знала, какие увижу, а какое – нет, и из-за его отсутствия желудок до сих пор скручивает от вины.

Я отложила телефон и надела толстовку и джинсы. Я ничего не смогла съесть – не сегодня. Понимала, что любая оказавшаяся в моем желудке пища все равно выйдет наружу. Я испытала это на собственной шкуре в первую годовщину. А потом и во вторую. Поэтому почистила зубы и умыла лицо, вошла в гостиную и увидела в окно сидящего на ступеньках крыльца парня.

Он сидел, сгорбившись, спиной ко мне. Из-под черной вязаной шапочки выглядывали темно-каштановые завитки волос. Я открыла дверь, но он даже не повернулся.

– Привет, маньяк, – сказала я. – Сколько уже ждешь?

После моих слов Майлс Мэйсон посмотрел на меня своими полужакрытыми карими глазами, из-за которых всегда выглядел сонным.

– Всего несколько минут, – ответил он. Или пробормотал. Майлс почти всегда бормочет. Видели, наверное, первое и единственное после стрельбы интервью с ним, в котором журналист все время просил его говорить ясно и громко. – Просто переписываюсь со всеми. Мы же забираем Денни?

Я кивнула, он поднялся и спустился следом к моему грузовику.

Несмотря всего на одно интервью, Майлса помнят все, кто следил за развитием событий. Его история привлекла много внимания. Он был «необычным героем». Seriously. Именно такие слова использовались в нескольких статьях.

Как рассказывалось, он бросился на ученицу, которая уже была ранена, заслонив ее от очередных пуль. СМИ подняли шумиху из-за того, что до того дня Майлс находился на грани исключения.

По словам его бабушки, он «дебошир».

По словам одного национального издания, он «молодой человек, который скорее нажал бы на курок, чем защитил своих сверстников».

И я даже не шучу. Это прямая цитата какого-то журналиста, который посчитал нормальным написать это через два дня после того, как этот пятнадцатилетний парень пережил кошмар наяву.

Майлсу не нравилось об этом говорить. Даже со мной.

¹ Итал. *crescendo* – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

² Мартовские иды – по древнеримскому календарю 15 марта. Эта дата получила известность в истории, так как в этот день в 44 г. до н. э. произошло убийство Юлия Цезаря.

Я открыла грузовик, и мы сели. Радио не стали включать. Просто слушали шум мотора, пока ехали по пустым улицам нашего района. Уже наступил полдень. Все либо работали, либо учились. В обычной ситуации, пропуская занятия, я беспокоилась бы и нервничала. Боялась бы, что кто-то увидит мой грузовик и доложит маме. Я, в отличие от Майлса, не любила нарушать правила.

Но никто не ждал, что я, Майлс или Денни сегодня пойдем в школу. Никто не накажет нас и даже не отметит наше отсутствие. Все знали, что в этот день, пятнадцатого марта, никто из нас не мог войти в школу.

Через десять минут мы добрались до дома Денни. Он ждал снаружи, сидел на качелях, а в его ногах лежал палевый лабрадор, его поводья Глиттер. Услышав, что мы уже на подъездной дорожке, он поднялся, и, как только я припарковалась, Глиттер проводила его до грузовика, где Майлс уже открыл для него дверь.

– Здесь тесновато, – сказала я, когда Денни забирался в грузовик. – Придется потесниться.

– Почему Майлс всегда садится посередине? – с притворным возмущением спросил Денни. – Это нечестно.

Майлс пододвинулся и перекинул ногу через коробку передач. Всем левым боком он прижимался ко мне. Я нервно заерзала, стараясь не загоняться по поводу того, что он думает о таком нашем соседстве. Вместо этого посмотрела на Денни, который залез в грузовик и позволил Глиттеру устроиться на полу между его коленей.

– Знаешь, Ли, – сказал Денни, захлопывая дверь, – если будешь меня повсюду катать, тебе понадобится машина побольше. Хотелось бы лимузин. Такой вытянутый «Хаммер».

– Ага, я этим займусь, – сказала я. – Как только ты сможешь за него заплатить.

Денни улыбнулся, и впервые за это утро я почувствовала секундное спокойствие.

Из всех выживших у Денни, наверное, брали интервью чаще остальных и фотографировали его тоже. Он – симпатичный, слегка пухлый темнокожий паренек, который всю жизнь был слепым. Получив пулю в руку, он прошел кучу физиотерапевтических процедур, чтобы заново научиться ходить с тростью. СМИ раздули из мухи слона, снова и снова акцентируя внимание на его слепоте. Как будто она являлась его характерной особенностью.

Мы тронулись с места и направились к границе округа. Удалялись как можно дальше от города.

Я включила радио, стараясь заглушить Грохот Смерти в голове, но даже громко играющий старый мейн CD «Нирваны»³ не смог подавить навязчивые мысли.

Хочу пояснить: дело не в том, что я хочу умереть. Не с такими мыслями мне приходится бороться. Все совсем наоборот. Даже в хороший день в глубине моего сознания начинает бурлить молчаливая тревога, с каждой секундой напоминающая мне, что я приближаюсь к концу своего существования. Напоминающая, что я не могу контролировать, когда, где или как я умру.

В плохие дни, например, в годовщину, эта тревога прорывается наружу.

На каждом повороте я представляла, как в нас несется другой автомобиль, перепутавший полосы. На каждом мосту видела, как мы сейчас рухнем и погрузимся в водяную могилу. Когда мы останавливались на заправке, я постоянно оглядывалась, убежденная в том, что кто-то подойдет ко мне сзади или что кассир вооружен. А когда на заправку заехал какой-то парень на «Шевроле» и хлопнул дверью, я чуть не выскочила из кожи.

Я везде видела смерть.

³ Nirvana (1987–1994) – американская рок-группа, созданная вокалистом и гитаристом Куртом Кобейном и басистом Кристофом Новоселичем. Популярным хитом стал Smells Like Teen Spirit, 1991 года. Nirvana популяризовала поджанр альтернативного рока, названный гранжем. Курт Кобейн казался в глазах СМИ не просто музыкантом, а «голосом поколения».

Поэтому мы уезжали в никуда. По грунтовой дороге и в лес, находящийся в часе езды от округа Вирджил. Это место мы нашли с Иден два года назад. В тот первый год мы все забились в фургон ее мамы и ехали, пока не отыскивали местечко, где никто нас не будет искать. После мы возвращались сюда каждый год и временами, когда становилось тяжело. Эшли тоже ездила с нами несколько раз – до рождения дочери, Мириам. Теперь у нее была семья, а Иден уехала в университет. Остались лишь Майлс, Денни и я.

Я ехала медленно. Этой дорогой пользовались настолько редко, что она почти вся заросла, и в этот день была усыпана упавшими во время последней грозы ветками. Грузовик подскакивал на толстых корнях, пока мы наконец не добрались до нашего убежища, спрятанного среди деревьев. Я знала, что мы почти на месте, потому что в первую поездку Майлс вырезал на одном из стволов большую цифру «6».

Хотя здесь бывало лишь пятеро из нас.

Я заглушила двигатель, и мы вышли из машины. На улице было прохладно. Типичный среднезападный март. Весна уже обещала расцвести, но жгучий ветерок пока не хотел нас отпускать. Мы устроились на заднем откидном борте кузова.

Денни снял с Глиттер шлейку.

– Скажите, если она уйдет далеко, хорошо? – попросил он, когда собака отправилась погулять, прижав нос к земле.

– Конечно, – сказала я.

Мы некоторое время молчали. Просто сидели, прислушивались к звукам леса и наблюдали, как золотистая собака рыскает между деревьев, следуя какому-то загадочному запаху. Мы все научились сидеть друг с другом в тишине. Тишина безопасна, по крайней мере когда мы вместе. И даже когда заходил разговор, мы говорили тихо.

– Три года, – произнес Денни, вздохнув.

– Ага, – сказал Майлс.

Я думала о нашем обмене сообщениями. Об отсутствующем имени. Я много об этом думала. О том, что нас должно быть шестеро, а не пятеро.

О Келли Гейнор.

Я ручаюсь, что ты не знаешь ее имени. О ней почти никогда не упоминали. Но она была в туалете вместе со мной и Сарой. Я уже несколько лет ее не видела.

Каждый раз, когда мне хотелось сказать что-то о ней, вопросы застревали где-то в груди, на них давил вес вины. Я хотела их задать. Выяснить, слышали ли о ней Майлс и Денни. Думали ли они когда-нибудь о ней, или только я.

Мне даже удалось открыть рот, втянуть воздух. Сделала я это тихо, но Майлс услышал. Или, возможно, почувствовал. Иногда кажется, что он чувствует меня. Словно знает о каждом моем движении, вздохе, моргании и понимает, что за этим стоит. Честно говоря, это меня как успокаивает, так и пугает. И его взгляд – будто он готов внимать каждому моему слову – на секунду останавливал сердце. Из-за его сонных глаз я забывала, что собиралась сказать.

Сидящий с другой стороны от меня Денни ничего не заметил.

– Знаешь, – сказал он, поправляя темные очки, – когда мы окончим школу, никто даже не вспомнит о стрельбе.

– Что? – спросила я, радуясь возможности хотя бы на секунду отвести взгляд от Майлса. Но чувствовала, что он все еще смотрел на меня.

– Конечно, вспомнят. Все помнят.

– Нет, я имею в виду... Когда мы уедем, не останется никого, кто действительно был там, кто помнит, что произошло. Мы учимся последний год. Последние выжившие. Когда мы уедем, останутся лишь те, кто знает о произошедшем только по тому, что слышали или видели по телевизору. Для них это будет просто историей.

Я сидела, обдумывая его слова. Не знаю почему, но мне это никогда не приходило в голову. Он прав. Через пару месяцев мы втроем окончим школу. Когда это произошло, мы учились в девятом классе. А когда уедем, в нашей школе останутся лишь те ученики, что слышали эти истории, гуляющие по городу, новостям, застывшие в церкви. Ученики, которые знают об этой стрельбе ровно столько же, сколько и...

Ты.

А ты – и они – столько еще не знаешь. Многие истории смешались, перепутались или исказились. Я даже не знала, насколько.

– Ага, – сказал Майлс. – Не могу понять, хорошо это или плохо.

– Я тоже, – согласился Денни.

Но я знала. Потому что мне становилось тошно от одной только мысли о том, что мы окончим эту школу, наши истории уедут вместе с нами, и коридоры наполнятся искаженными версиями того, что произошло в тот день.

Майлс положил руку на мое плечо.

– Ли, ты как? Выглядишь немного... Ты в порядке?

Я кивнула, потому что боялась, что как только открою рот, меня стошнит.

– Все дело в сегодняшнем дне, – сказал Денни. – В этот день всегда сложно.

– Да, – согласился Майлс. – Всегда.

Они были правы. Этот день всегда вызывал боль. И я была уверена, так будет всегда. Но, сидя здесь, я могла думать лишь о том, что Келли Гейнор, где бы она ни была, еще сложнее.

И это моя вина.

После стрельбы школа начала работать только в августе. Снаружи поджидало несколько съемочных групп, готовых запечатлеть наше возвращение, но не столько, сколько можно было бы ожидать. Прошло пять месяцев, и другие трагедии вытолкнули нашу школу из основного новостного цикла.

Меня обрадовало отсутствие большого количества камер. Не хотелось видеть в новостях свою фотографию. Особенно в тот день, когда я даже не знала, смогу ли войти в здание без панической атаки. Это в считанные часы стало бы сенсационной новостью. «Выжившая в старшей школе округа Вирджил потеряла самообладание, вернувшись на место жестокой расправы». Я превратилась бы в бедную трагическую фигуру, которую еще несколько дней жалела бы страна. А я не нуждалась в чьей-то жалости.

Как и не думала, что заслужила ее.

Тем утром мама попросила подменить ее на работе. Мне кажется, в тот день многие из наших родителей взяли выходной. Все хотели впервые после случившегося подвезти в школу своих детей. Кто-то даже вошел с ними в здание, как в первый день в детском садике.

– Я могу войти с тобой, – сказала мама, когда мы заехали на парковку. Мы смотрели, как в здание вошел выпускник, не отстающий от папы. – И могу остаться, если нужно.

Я покачала головой.

– Нет. Все хорошо.

Как бы сильно я ни волновалась насчет того, что испугаюсь войти, я без тени сомнений понимала, что и мама не сможет с этим справиться. Иногда кажется, что случившееся в тот день затронуло ее больше меня. Это часто бесило меня в первые месяцы. Она словно брала на себя часть моей боли. Я понимала, что она не хотела этого. Понимала, что слишком строга к ней. Но временами мне хотелось на нее накричать. Сказать, что у нее нет права плакать, паниковать или видеть кошмары. Потому что ее там не было.

– Ты уверена? – спросила она, и я уже слышала, как дрожал ее голос. – Ли, можешь не идти, если не хочешь. Я тебе говорила. Можем подумать об обучении на дому или найти другую...

– Мам.

Уверена, она пыталась мне помочь, но эти жалкие предложения скорее раздражали меня. Она работала так много, что я и не могла думать об обучении на дому, и других вариантов, кроме переезда, не оставалось – чего мы точно не могли себе позволить. Эта старшая школа была единственной в округе.

Да и смена школы ничего не изменила бы. Стрельба будет меня преследовать, куда бы я ни отправилась.

– Просто я волнуюсь. Ты была так сильно расстроена, когда мы пошагово разбирали все вместе с детективами. Если не хочешь туда возвращаться...

– Я опоздаю.

Я схватила рюкзак и, выйдя из машины, захлопнула дверь, пока она не успела сказать что-то еще. Поежилась от такого громкого звука и ощутила укол вины. Я слишком часто хлопала этим летом дверями. Но как бы меня ни грызла совесть, я понимала, что не попрошу прощения.

Я посмотрела вперед, избегая взглядом припаркованные на лужайке перед школой машины СМИ. Сосредоточилась только на двери. На той самой, из которой выбежала пять месяцев назад, запачканная кровью лучшей подруги.

Я слотнула и направилась к зданию с компанией старшеклассников. Возможно, прозвучит абсурдно, но часть меня почему-то считала, что это место будет выглядеть иначе. Будто мы войдем и увидим везде последствия стрельбы. Но все было не так. Главный коридор, столовая выглядели именно так, как в прошлом семестре, до всего произошедшего. Везде чисто, виднеются украшения традиционных школьных цветов – зеленого и золотого, – все бежали к своим друзьям, обнимались и смеялись, как в обычный первый учебный день.

Кажется, мне должно было бы стать легче, но все казалось таким неправильным.

Я уже бывала здесь до этого дня. Несколько свидетелей приходили сюда летом, чтобы помочь детективам в точности определить, что произошло. Но тогда в школе было тихо. Почти пусто. И на несколько секунд можно было притвориться, что я находилась в каком-то другом месте.

Но сейчас все казалось слишком нормальным. Я поняла, что искала в толпе Сару, словно пыталась увидеть ее, как бывало каждое утро в школе. На ее плече висел ярко-фиолетовый рюкзак, в руке сладкий пирожок. И она всегда брала один для меня, потому что знала – ради сна я пропустила завтрак.

Конечно, Сары, ее рюкзака и пирожка здесь не было. Поэтому я просто встала посреди столовой, не понимая, что делать и куда идти.

Тогда я заметила мемориальную доску, большой блестящий черный квадрат на столбе в центре помещения. Единственное изменение в этой части школы, едва ли заметное. Я сделала несколько шагов вперед, посмотрела на доску и пожалела об этом.

На ней перечислялись их имена. Все девять жертв, в алфавитном порядке. Я перечитала их, хотя и так знала наизусть.

Кевин Брентли

Бренна Дюваль

Джаред Грейсон

Рози Мартинез

Сара Макхейл

Ричард Макмаллен

Томас Нолан

Эйден Страуд

Эсси Тейлор

Под именами была цитата Эмили Дикинсон:

«Любимые не могут умереть, ведь любовь бессмертна».

Я ненавидела эту цитату, потому что она лгала. Даже если бы любовь была бессмертной, я не могла отделаться от мысли, что в итоге все твои любимые тоже умрут. Тогда какое это имело значение? Никакого. Такие цитаты только делали жизнь проще. Помогали нам игнорировать тот факт, что забвение неизбежно.

Я потрясла головой, пытаясь заглушить навязчивые мысли. Но не нашла в себе сил отвернуться от доски.

Имени стрелявшего в этом списке не указали. Как и на других мемориальных досках по всему городу. Насколько я знала, этим летом велись ожесточенные споры. Некоторые предлагали его включить. Он ведь всего лишь ребенок. Шестнадцать лет, одиннадцатый класс. Они утверждали, что в каком-то смысле он тоже жертва. Жертва травли, собственного разума, одержимого оружием общества. Как будто это все имело значение. Доска – это единственное, что было не про него, или почему он это сделал. Она была про всех остальных, про нанесенный им ущерб.

Кто-то из родителей воспротивился, чему я была рада. Я не хотела видеть там его имя. И не хотела видеть его рядом с именем Сары.

– Ли, – произнес голос за моей спиной. Я оглянулась и увидела Майлса, одетого в обычную черную футболку и поношенные джинсы. Мы секунду просто смотрели друг на друга. Несмотря на все произошедшее летом, мне было странно разговаривать с ним на территории школы. Я ждала этого знака, который доказал, что теперь все изменилось.

Он пожал плечами и жестом попросил меня следовать за ним. Мы побрели сквозь толпы учеников к столовой, у которой стояли Иден Мартинез и Денни Лукас, прислонившись рюкзаками к стене. Иден тянула темную волнистую прядь волос и выглядела слегка зеленой, как будто ее вот-вот стошнит. Денни стоял, сжимая обеими руками резиновую ручку трости так, словно, если понадобится, был готов использовать ее как оружие.

– Справа от тебя подходят Ли и Майлс, – сообщила ему Иден.

– Привет, ребят, – поздоровался Денни. – Странный денек, да?

– Самый странный, – сказала я.

Возможно, самым странным было стоять с этой троицей. Мы были чудной компанией, которая не имела почти ничего общего. Иден была старше нас на год. И до стрельбы мы все тусовались в совсем разных кругах. Но я могла находиться рядом только с этими людьми и ощущала себя частью только этой компании.

Эшли окончила школу в мае, доучившись в больнице и на дому. Тем утром она отправила всем нам сообщение, пожелала удачи и сказала, что можем ей звонить. Интересно, чувствовала ли она себя одинокой, хотела бы оказаться здесь с нами, а не смотреть новостные отрывки нашего возвращения в школу? А возможно, она была рада, что никогда сюда не вернется. Интересно, а что бы чувствовала я, окажись в ситуации, когда мне, единственной из всех, не надо возвращаться в школу.

Точнее, не единственной.

Я осмотрелась в поисках вспышки сине-черных волос или рюкзака с черепами.

– Кого ищешь? – спросил Майлс.

– Келли, – ответила я.

– Келли Гейнор? – уточнила Иден. – Ты разве не слышала?

– Не слышала что?

– Она переехала. – Иден убрала руку от волос и принялась ковырять ногти. – Вся ее семья. Бабушка видела, как они несколько дней назад загружали вещи в фургон, перед их домом табличка «Продается».

– Что? – Вопрос прозвучал, словно кашель. Мое горло вдруг сжалось. Как бывает после укуса пчелы, пока мама не вколет эпинен⁴. Я постаралась дышать, но раздался звонок, резкий и громкий, заставивший всех нас подпрыгнуть от испуга. И легче совсем не стало.

Мимо по кабинетам устремился рой учеников, и я схватила Иден за руку. Она дернулась, сжалась. Но мы обе быстро пробормотали извинения.

Никому из нас не нравилось, когда его касаются без предупреждения, даже друзья. Тогда было еще хуже. Любое внезапное движение казалось угрозой. Нам всем пришлось научиться быть осторожными друг с другом.

Когда звонок затих, мне удалось выдать несколько слов.

– Келли... Келли?..

– Она уехала.

Позже, на собрании, директор не стал говорить о новой политике нулевой терпимости к насилию. Или о гражданских исках, поданных против школы. Он сосредоточился на единственном позитивном, что смог найти.

Он сказал, что, к удивлению школьного совета, в старшую школу вернулись все бывшие девятиклассники, десятиклассники и одиннадцатиклассники, а наш новый девятый класс стал самым большим в истории школы. Он сказал, мы все вернулись в нашу школу. Он сказал, мы не позволим победить страху или ненависти. Он сказал, это – наш дом.

Но вот о чем он умолчал: вернулись почти все ученики.

Все, кроме одного.

Я провожу много времени в Интернете, читая про убийство. Это нечто вроде хобби. Или привычки.

Началось все через месяц после стрельбы, в одну из тех ночей, когда сама мысль о сне в темной комнате пугала так, что ее невозможно было измерить. Я прошла по коридору в гостиную и впервые за несколько недель включила компьютер. Мама старалась держать меня подальше от СМИ, но я слышала то одно, то другое от остальных выживших. И хотела знать, что говорят о Саре.

Одна ссылка вела к другой, третьей, четвертой. После каждой статьи или поста в блоге я нервничала все больше, все больше паниковала. Сердце колотилось, глаза щипало от слез. Но я не могла остановиться. Понимала, что надо. Понимала, что ни к чему хорошему это не приведет. Но это было круговоротом, из которого я не могла выбраться.

В итоге я оказалась на форуме о стрельбе, где писали, что это был заговор. Десятки комментаторов пытались продемонстрировать «доказательства» того, что ничего не было. Что это правительство пыталось нас разыграть, чтобы забрать у всех оружие. И все выбегающие из здания подростки – включая меня – были обычными актерами катастроф. «Конечно, это бутафория, – сказал один из комментаторов. – Руководствуйся разумом, Америка».

...конечно...

...разумом...

В шесть утра мама застала меня у монитора плачущую, с красными глазами.

⁴ EpiPen (англ. Epinephrine autoinjector) – медицинский препарат, автоинъектор адреналина, устраняющий последствия анафилактического шока.

– Ли, что ты делаешь? – спросила она.

– Как они могут такое говорить? – спросила я ее, чувствуя спазм в горле. – Они говорят, этого не было. Как они могут так говорить, мам? Зачем они это говорят?

– Ох, Ли, детка...

– Зачем они так говорят?!

Я толкнула стол сильнее, чем хотела, и монитор поехал, с грохотом врезался в стену. Я начала паниковать и задыхаться от слез.

В тот день мама не пошла на работу и позвонила моему психотерапевту. Мы решили увеличить дозу лекарств и количество часов терапии. Еще мама установила лимит на использование Интернета и разрешила мне пользоваться телефоном только тогда, когда я оказывалась вне дома без нее, хотя иногда я выбиралась тайком, пока она работала или поздно возвращалась. Я чувствовала себя жалкой, но идея была навязчивой, а я знала, как очищать историю поиска.

Если вы задаетесь вопросом, где все это время был мой папа, значит, у нас есть что-то общее. Его никогда не было в моей жизни. Моя мама забеременела, когда была подростком, а отцу было слегка за двадцать. Он сбежал до моего рождения, и за это время я получала от него только чеки на алименты, назначенные судом. После стрельбы я думала, он появится на пороге нашего дома. Считала, новость о том, что его дочь стала частью чего-то настолько ужасного, пробудит в нем отцовский инстинкт. Но этого не произошло.

Маме всегда приходилось играть роль двух родителей. Иногда я гадала, не испытывает ли она двойную боль за произошедшее со мной. Мне кажется, я больше злилась на него за то, что он не находился рядом с мамой, когда мне было совсем плохо, чем на его отсутствие с самого моего детства.

Хотя это больше не имело значения. Он погиб два года назад в автокатастрофе. Я знаю это, потому что в завещании он оставил нам с мамой немного денег. Кажется, какая-то его часть все же ощущала вину. И этого было достаточно, чтобы оплатить часть моего обучения в колледже.

В любом случае папа не был чем-то важным для меня. Его не было рядом. А мама была. Но как бы сильно она ни старалась тем утром, ей не удалось оградить меня от Интернета.

Прошло три года, и я до сих пор залезаю на страницы «Тамблера» и форумы, читаю посты о стрельбе, написанные людьми, которых там не было. Сейчас об этом уже почти перестали говорить. Это уже не новость. Но некоторые упорные блоггеры до сих пор практически ежедневно писали про нашу школу. Некоторые из них – настоящие заикленные на преступлениях. Другие сформировали так называемый «фандом».

Может, «фандом» – сильно сказано, но я не преувеличиваю. Там есть мемы, фан-арты и – я не шучу – фанфики про убийство. Иногда под прицел попадают Сара или Майлс. Но в основном обсуждают стрелявшего.

Кстати, если вы ждете, в этом тексте я не буду упоминать его имени. О нем уже и так много сказано. И я не собираюсь добавлять еще.

Так вот, как бы я ни злилась и ни чувствовала отвращение, до сих пор тайком зависаю на нескольких форумах и сайтах и проверяю их как минимум пару раз в неделю. Чем тревожнее мне становится, тем больше времени я провожу онлайн. Естественно, в годовщину мне всегда тревожнее всего. Потому, вернувшись домой вечером после того, как столько времени провела в лесу в нашем тайном месте, я, как ни странно, направилась прямо к компьютеру, хотя понимала, что нельзя.

Было поздно. Мама уже спала. А я точно не смогла бы заснуть тем вечером. Поэтому включила компьютер и зашла на один из самых активных форумов об убийстве в нашей школе.

Я ожидала увидеть привычную картину: дебаты о прежних теориях заговоров, обсуждения на тему, зачем стрелявший это сделал, такого рода вещи. Уже несколько лет не появлялось новостей о стрельбе, поэтому обсуждалось одно и то же, только новыми людьми.

Но в этот раз появилось кое-что новенькое.

На первом месте находился пост постоянного посетителя под ником VCHS_Obsessed. Он написал короткое сообщение: Привет, ребят, вы это видели? Ниже шла ссылка на статью. У меня внутри все сжалось, когда я прочитала заголовок: «Родители жертвы стрельбы в школе напишут вдохновляющую биографию дочери».

И в самом начале статьи фотография Сары. Там весь ее девятый класс, этот же снимок через два месяца после ее смерти напечатали в ежегоднике. Именно он до сих пор смотрит на главную улицу со знака напротив баптистской церкви округа Вирджил.

Из-за этой фотографии я после школы еду домой длинным путем. Потому что не могу смотреть, как моя лучшая подруга улыбается мне, ее рыжие волосы заплетены в две косички, отчего она кажется еще младше, а карие глаза горят так ярко и не подозревают, что скоро случится.

И, конечно же, дело в цепочке. Я достаточно часто видела эту фотографию, чтобы знать – ее маленький серебряный крестик на тонкой цепочке выделили с помощью программы. Он висел у нее на груди, прямо над воротом лавандовой футболки. Эта дурацкая цепочка. Она не надевала ее в день стрельбы. Знаменитая цепочка. Но люди считают эту фотографию доказательством. Они уверены, что знают, кем была Сара.

Но дело в том, что она надела эту цепочку для снимка с классом только из-за того, что бабушка подарила ее на день рождения, а мама посчитала, что было бы неплохо сфотографироваться в ней. Сара почти отказалась – по простой глупой причине, ей больше нравилось золото, чем серебро, – но в итоге решила порадовать бабушку.

Жаль, она ее не сняла. Если бы она ее не надела, то... Но я слишком легко позволяю себе сорваться с крючка.

Потому что она надела ее. И теперь все знают ее как Сару Макхейл, девушку с крестиком на шее. Все верят, что она была тем, кем не была. Что умерла во имя чего-то, но это не так. И винить надо не цепочку.

А меня.

Я прокрутила страницу с фотографией вниз, из живота к груди уже поднималась вина. Я не решилась сделать ничего, кроме как пробежаться глазами по статье. Руки тряслись, а взгляд никак не мог сосредоточиться на одной точке хотя бы на несколько секунд. Но основную суть я уловила.

Родители Сары собирались опубликовать ее биографию. Они нашли ее старый дневник и хотели использовать выдержки, как они сказали, «вдохновляющей истории отказа отречения от веры даже перед лицом смерти». Книгу продали на аукционе, издатель заплатил за нее шестизначную сумму. А Голливуд уже заинтересован в том, чтобы адаптировать ее для фильма.

«Ее забрали у нас три года назад, – писала Рут Макхейл. – Нам было сложно. Иногда нам с мужем казалось, что у нас не осталось сил жить. Но Господь не оставил нас. Вознес, когда мы больше всего в Нем нуждались. И я знаю, Он хочет, чтобы мы не дали угаснуть памяти о Саре. Убедились, что никто не забудет, какой храброй и преданной своей религии она была. Хотелось бы всем нам быть такими же сильными, как Сара».

Я несколько раз перечитала цитату, и с каждым разом мне становилось хуже. Во мне одновременно боролось сразу несколько чувств: злость, грусть, вина.

И страх.

Если это действительно происходит, если появится книга и, возможно, фильм, на нас снова обратят внимание. Убийство появится в новостях. Перескажут по-новому и повторят истории. Все, что в первый раз мир понял неправильно, снова вытолкнут на поверхность. Мало мне реальных воспоминаний того дня, так теперь меня будет преследовать и перекрученная версия.

И Келли будет только хуже.

Я едва успела добраться до ванной, как мой желудок сдался и вывернул съеденную по пути домой из леса картошку фри. Как глупо с моей стороны было думать, что можно спокойно купить фастфуд по пути, что эта годовщина станет первой без тошноты. Нет. Три из трех.

Я нажала на кнопку смыва и села на пол, прислонив голову к стене, начала медленно дышать. У нас маленький дом, тонкие стены, так что я не удивилась, когда в коридоре со скрипом открылась мамина дверь.

– Ли? – спросила она сонным голосом. – Детка, все хорошо?

До стрельбы она спала не так чутко, но после было достаточно незначительного шума, чтобы она проснулась, знака, что что-то не так. Иногда я была благодарна за это, например, когда мне снились кошмары и она будила меня. Но в целом я бы с радостью осталась одна, без гнетущих мыслей о том, что беспокою ее.

– Все нормально, – ответила я. – Я в порядке, мам. Можешь вернуться в кровать.

– Хорошо... Не засиживайся допоздна.

– Не буду. Спокойной ночи.

Дверь комнаты снова скрипнула, но я не слышала, чтобы она захлопнулась – значит, мама оставила ее приоткрытой. Она не будет спать, пока не услышит, что я легла.

Я вздохнула и поднялась. Пока чистила зубы, мой пустой живот крутило. Я прошла по коридору до комнаты и переоделась в самую уютную пижаму. Хотя это не имело значения. Эта ночь не будет спокойной.

Я уже чуть больше часа пялилась в потолок; мне пришло сообщение.

Не спишь?

Я быстро напечатала ответ.

А ты как думаешь?

Встретимся?

Слишком холодно. Но можешь позвонить.

Секунду спустя телефон зазвонил.

– Привет, – сказала я.

– Чем занимаешься? – пробормотал Майлс на другом конце провода.

– Ничем. А ты?

– Только что посмотрел на YouTube документальный фильм.

– Про что?

– Про обвал фондового рынка в 1929 году.

– Это... величайше депрессивно.

– Ого. Даже Денни не шутит так плохо.

– Эй.

Он усмехнулся, и этот звук согрел меня, как глоток горячего шоколада в холодный зимний вечер. Я перекатилась на бок и свернулась в клубок, подтянув колени к груди и прижав телефон к уху.

– Расскажи мне о нем.

– Ты... хочешь, чтобы я рассказал тебе о Великой депрессии?

– Да.

– А что именно?

– Что угодно, – сказала я. – Просто... говори. Научи меня чему-нибудь.

Я услышала, как он замешкался, а потом вздохнул и, как обычно, почти бессвязно забормотал:

– Ну, хорошо... Обвал фондового рынка начался двадцать четвертого октября. Это произошло прямо в конце 20-х годов и...

Я закрыла глаза и прислушалась к его бормотанию; он внезапно отклонился от темы и рассказывал анекдоты из прочитанных книг или просмотренных фильмов.

Многие поразились бы знаниям Майлса по истории. Учитывая его плохие оценки и второй год в десятом классе, это не казалось ему свойственным, но с тех пор, как мы начали тусоваться вместе, он по-настоящему заинтересовался. Можно задать ему вопрос про любое событие в истории Америки, и он часами будет говорить. И это парень, который через раз отвечает односложно.

Меня история не интересует. Никогда так не привлекала, как остальных. Но, слушая Майлса, я успокаивалась. Мне нравилось наблюдать за тем, как он включается или со страстью говорит о чем-то. Признаюсь, дело лишь в интонации, незначительном повышении голоса, которые, хочется верить, не замечает никто, кроме меня.

Я позволила ему часами говорить о Великой депрессии. И не призналась, что только что узнала про Сару и ее родителей. На самом деле я почти не отвечала. Только порой задавала вопросы или бормотала комментарии, чтобы он знал – я не уснула – и продолжал говорить.

Мне нужно было, чтобы он продолжал.

Если бы он замолчал, боюсь, мой мозг куда-нибудь бы забрел. И я надеялась, Майлсу это тоже помогает. Не только я нуждалась в отвлечении, пока не закончилась эта проклятая ночь.

Он продолжал свой рассказ до первых признаков наступления утра, пробившихся сквозь жалюзи на окне моей комнаты.

– Мне пора, пока мама не встала, – сказала я. – В школе сегодня будет отстойно.

– Да, – согласился он. – Но мы справились. И до следующего дня у нас еще целый год.

– Да. – Я попыталась не думать о том, чем буду заниматься в это время в следующем году, о перспективе провести первую годовщину вдали от остальных выживших. От него. – Спасибо, – сказала я после минуты молчания. – Что остался со мной.

– Да я тоже вряд ли бы заснул, – пробормотал он. – Надеюсь, тебе было не скучно.

– Ты совсем не скучный. – Я откашлялась. – Мне пора. Увидимся через пару часов у моего грузовика?

– Конечно.

Я сбросила вызов и как раз вовремя легла на живот – в соседней комнате прозвенел мамин будильник. Я закрыла глаза и попыталась дышать медленно. Вскоре она заглянет меня проверить, а я не хотела, чтобы она была в курсе моей бессонницы.

Если бы я могла облегчить ее волнение, забрать с помощью лжи хоть мизерную долю, я бы это сделала.

Благодаря этой маленькой лжи мы обе оставались в здравом уме.

После стрельбы я пыталась сказать родителям Сары правду.

Это произошло в конце июля, за две недели до открытия школы, и семья Макхейл пригласила меня к себе домой на ужин.

Честно говоря, мне не хотелось идти. Не потому, что они мне не нравились – после первой ночевки в их доме, когда мне было семь лет, они стали моей второй семьей. Чед, папа Сары, часами играл с нами в настольные игры, а ее мама, Рут, пекла печенье и веселила нас своими глупыми шутками. А следующим утром они пригласили меня с собой в церковь. Я отказалась. Я не взяла с собой подходящую для этого одежду, поэтому смутилась. Они завезли меня домой по дороге в баптистскую церковь округа Вирджил, но Рут сказала, что их дом теперь и мой тоже. Это была первая из десятков – возможно, даже сотен – ночевок. Я бывала в их доме почти столько же, сколько в своем. Иногда мне казалось, я видела Рут и Чеда чаще своей мамы, которая тогда работала на двух работах. И они предлагали сходить с ними в церковь почти

каждую неделю. Никогда не пытались давить на меня или вменить мне чувство вины, когда я отказывалась (а так всегда и происходило), и их двери всегда были открыты.

Я любила семью Макхейл. И до сих пор люблю. Хотя сомневаюсь, что они сейчас разделяют это чувство.

Но в тот вечер, когда они пригласили меня на ужин, мы с ними впервые встретились после похорон Сары. Я впервые пришла к ним в дом после стрельбы. И при мысли, что войду в их дом без ожидающей меня внутри Сары, сяду на их диван, а она не плюхнется рядом и не извинится за то, что случайно рассказала мне важную информацию из серии нашего любимого сериала, которую я еще не смотрела, пройду мимо ее спальни, зная, что там несколько месяцев никто не спал...

Я не хотела идти.

А еще не хотела ранить их чувства, и в итоге желание быть вежливой взяло верх над всеми другими инстинктами.

– Мы так рады, что ты смогла приехать к нам, Лиэнн, – сказала Рут, добавила на тарелку пюре и передала мне. – Мы хотели знать, как у тебя дела, пока ты не вернулась в школу. Наверстать упущенное. Не помню, чтобы мы так долго с тобой не виделись. В нашем доме все совсем не так без тебя и... – Она замолкла. Опустила глаза, такие же большие и круглые, как у Сары, на стол, словно ее вдруг заинтересовала светло-желтая скатерть.

– Лето прошло тихо, – согласился Чед.

– Пюре, эм... очень вкусное, – сказала я, покусывая нижнюю губу. На самом деле я еще его не пробовала. Размазала по тарелке зубчиками вилки, пытаясь хоть как-то пробудить аппетит.

Вероятно, Рут видела меня насквозь, но все равно сказала:

– Спасибо, милая.

Не уверена, что, пока текли минуты молчания, кто-то из нас хотя бы поднес вилку ко рту. Мы царапали ими по тарелкам, а Чед так долго разрезал свиную отбивную, что к тому моменту, как кто-то заговорил, от нее остались кусочки не больше моего ногтя на большом пальце.

– Я слышала, Эшли Чамберс выписали из больницы, – сказала Рут. – Лиэнн, ты ее видела?

– Эм, нет. В смысле, не в последнее время. Я видела ее в больнице несколько недель назад, но не после ее возвращения домой.

– Она милая девочка, – сказал Чед. – Слышал, она обручилась с тем парнем по фамилии Осборн. Ох, как его зовут? Помоги вспомнить, Рут. Сын Дженнифер и Дона. Который с веснушками.

– Логан, – ответила Рут.

– Точно. Логан Осборн. Хороший парень. Лиэнн, ты его знаешь?

Я покачала головой.

– Нет. Мне кажется, он окончил старшую школу до того, как я в нее перешла. Я и Эшли не знала до... недавнего времени.

– Эта Эшли хорошая девочка, – сказала Рут. – Как и ее сестра, Тара. Кажется, она чуть младше тебя и Сары. Их семья уже несколько лет ходит в нашу церковь. Эти девочки всегда были так милы с Сарой. Я очень рада, что они обе будут здесь в воскресенье, когда мы объявим о билборде.

– Билборде?

Рут глянула на Чеда.

– Ну, мы должны были молчать до воскресенья, но... Знаешь шоссе на выезде из города в сторону Эвансвилла?

Я кивнула, в животе уже забурился страх.

– Несколько церквей по всей Индиане собрали деньги, чтобы мы установили билборд в честь Сары, – сказала Рут. – Прямо на шоссе. На нем будет ее фотография и любимая цитата из Библии. Чтобы все помнили, за что она боролась.

– За что мы все должны бороться, – сказал Чед.

– Разве это не потрясающе, Лиэнн? Сара всегда хотела быть знаменитой... Лиэнн, милая, ты в порядке?

Я стояла, не осознавая, что делала.

– Мне надо в ванную.

Не успели они произнести и слова, как я уже бежала по гостиной и коридору дома, который знала, как свой собственный. Оказавшись в ванной, я закрыла за собой дверь.

Припала спиной к стене, прижала руки к глазам и постаралась медленно дышать. Мне казалось, сердце вот-вот вырвется из груди. Мое тело словно предало меня и активно пыталось уничтожить меня изнутри.

Это паническая атака, уверяла я себя. Ты в порядке. Это всего лишь паническая атака. Даже не самая сильная. Просто дыши.

Когда все прошло, я подошла к раковине, включила холодную воду и ополоснула лицо. А когда посмотрела в зеркало, мне на долю секунды показалось, что оказалась в прошлом.

За моей спиной стояла Сара в темно-зеленом платье, в котором она ходила на танцы в честь окончания восьмого класса. Ее длинные рыжие волосы красивыми волнами ложились на плечи. Она научилась так завивать их, посмотрев обучающее видео на YouTube. И теперь вооружилась плойкой, как оружием, и пыталась превратить мои безжизненные темно-каштановые волосы во что-то более симпатичное. Тогда они были до талии. Я обрезала их через несколько дней после стрельбы, потому что не могла отмыть. Не важно, сколько раз я пыталась, я все равно чувствовала запах крови.

Я почти слышала голос Сары, в ее словах слышался смех, когда она спросила:

– Как думаешь, Ричи будет там сегодня? Думаешь, он кому-нибудь рассказал о нашем поцелуе?

А потом все исчезло – если вообще было, чему исчезать, – и я в одиночестве осталась смотреть на свое бледное отражение.

Мне надо было сказать Макхейлам правду. Я неделями откладывала это, но теперь, услышав про билборд, поняла – больше нельзя медлить. Я не могла позволить им верить в эту ложь. Этому дурацкому слуху, который как будто возник из ниоткуда.

Кроме того, этого не хотела бы Сара. Да, она хотела стать знаменитой, но моделью, а не мученицей. Тем более фальшивой. И как бы я ни любила Рут и Чеду, они ее не знали. Не так хорошо, как думали. Они понятия не имели, что она тайком встречается с Ричи Макмалленом, потому что ей запрещалось заводить парней. Они никогда не поверили бы, что в начале девятого класса под трибунами на футбольной игре она позволила ему добраться до второй базы. Или что приносила в школу косметику и перед уроком красилась в туалете. Или что однажды пнула парня коленом в промежность и послала его к чертям, когда он назвал меня неуклюжим фриком.

Сара, которую я знала, была бы против того, чтобы ненавистная фотография класса красовалась бы на знаках церкви по всей Индиане, не говоря уже о билборде. Она бы не хотела, чтобы ее запомнили такой.

И она бы не хотела, чтобы из-за этого страдал кто-то другой, например Келли.

А значит, я должна была рассказать им правду.

Потому что единственная могла.

Я еще раз сполоснула лицо, глубоко вдохнула и открыла дверь. Вышла в коридор со всей решимостью, что удалось собрать. Я не собиралась слишком долго это обдумывать. Не соби-

ралась что-то невнятно бурчать. Я хотела рассказать им, что именно произошло в туалете в тот день.

Но не успела я дойти до конца коридора, как заметила открытую в комнату Сары дверь, внутри стояла Рут. Просто... стояла. Посреди комнаты. Она не сводила глаз с одного из плакатов, прикрепленного к стене, которую, по настоянию одиннадцатилетней Сары, выкрасили в фиолетовый.

Я так испугалась, что чуть не запуталась в собственных ногах, когда остановилась у комнаты. Похоже, Рут меня услышала, потому что повернулась к двери и устало улыбнулась мне.

– Лиэнн, – сказала она. – Я собиралась проверить, как ты, и... отвлеклась. – Она вздохнула и снова повернулась к комнате. – Я не смогла дотронуться до ее вещей. Даже обратиться здесь. – Она показала на раскиданную по полу грязную одежду. – Сара никогда не любила убирать за собой. Меня это сводило с ума, но я просто не могла... Я, наверное, говорю глупости, да?

– Нет, – ответила я и медленно вошла в комнату. – Не говорите.

Я не верю в призраков или нечистую силу. Но в ее комнате, со всеми оставленными вещами, словно она была здесь только этим утром... мне было жутковато. Как в параллельном мире. В комнате до сих присутствовал ее запах. Лавандовый шампунь и ванильные свечи, смешанные с пылью и временем. Мне стало как-то не по себе, но мысль о том, чтобы дотронуться до вещей, изменить хоть что-то из того, что она оставила, была намного хуже.

Эта комната была неприкосновенной. Священной землей. В этой комнате, когда нам было восемь лет, Сара объявила меня своей лучшей подругой и заставила меня поклясться на мизинчиках, что мы никогда не разделимся. Это произошло на отвратительном, зеленом, как лайм, коврике, где я впервые позволила себе пустить слезу по папе и гадала, что же во мне не так, раз он не хотел меня знать. Одиннадцатилетняя Сара обняла меня и сказала, что ему же хуже, да и зачем он мне, когда есть она? И я сидела на этой кровати за несколько недель до стрельбы и призналась Саре, что, возможно, асексуальна. Она не понимала, что это значит. Тогда я тоже особо не понимала. Но она сжала мою руку в качестве поддержки и сказала, что позже погуглит. Вот это Сара. Я знала – она останется со мной, даже если чего-то не поймет.

Находясь в этой комнате, я осознала, что до сих пор цеплялась за мысль о будущем с ней.

– За неделю до этого она оставила у меня кое-какие вещи, – сказала я, скрестив руки на груди. Меня трясло, несмотря на конец июля и работающий на минимуме кондиционер. – Футболку и заколку для волос. Я положила их на стол, чтобы принести ей, но все время забывала и... они до сих пор у меня. Я их не трогала. Мне кажется, если я это сделаю, то не смогу ей отдать, и я просто... Простите. Вы, наверное, хотите вернуть эти вещи. Надо было...

– Нет, милая, нет. – Рут вытерла глаза тыльной стороной ладони. По ее лицу струились слезы, и тушь начала течь. До этого момента я ни разу не видела, чтобы она не выглядела идеально собранной. – Оставь их. Сара была и твоей семьей тоже. Ты для нее – весь мир, понимаешь?

Знаю, что ты думаешь: что стоило ей рассказать. Если это так много значило для Сары, я была обязана рассказать о том, как она умерла. Поверь мне, я собиралась. Слова крутились на кончике языка.

Но потом Рут отвернулась от меня. Подошла к окну и выглянула на небольшой обнесенный забором задний двор, где мы с Сарой в детстве играли с водными пистолетами, где ночевали летом под звездами в старых спальнях мешках.

Рут, снова вытирая слезы, видела совершенно другие воспоминания.

– Я лишь продолжаю себе напоминать, что у Бога есть план, – сказала она. – И это... это был Его план касательно ее. Как бы мы с Чедом ни скучали по ней, мы знаем, что она – Его раба. Находясь здесь, она напоминала нам всем, каким должен быть хороший христианин. Ее история вдохновит многих. Я должна... должна это помнить. – Ее голос надломился, лежащая

на подоконнике рука затряслась, и это стерло всю мою решимость. – Ох, дорогая, – сказала Рут. Шмыгнула носом, откашлялась и повернулась ко мне. – Мне так жаль, Лиэнн. Я не хотела расклеиваться у тебя на глазах. Я же собиралась проверить, как ты. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да. – Я откашлялась и, медленно выдохнув, опустила руки. – Я в порядке. Давайте закончим ужин.

Она кивнула.

– Хорошая мысль. Чед съест все пюре, если мы его не остановим.

Мы обе знали, что это неправда, но позволили себе в это поверить.

Иногда нормально верить в неправду. Иногда это необходимо. По крайней мере, так я себя убеждала. В отличие от Макхейлов, я не была религиозна. Не верила в жизнь после смерти. Умираешь, и все – тебя нет. Перестаешь существовать. Сара не хотела бы, чтобы ее помнили за ложь, но она умерла. Она не знала, что происходит. Ей было все равно. А ее родители нуждались в этой лжи.

Эта ложь связывала их.

Им надо было верить, что их дочь умерла ради чего-то. Что в последние минуты своей жизни она была сильной и смелой, а не напуганной девочкой, сжимающей в кабине руку своей лучшей подруги. Я не могла лишить их этой веры.

Я понимала, какой вред причиняла ложь. Знала о Келли Гейнор. Но Макхейлы для меня были почти семьей, а с Келли я за всю жизнь и парой слов не перекинулась. Поэтому пусть они верят.

И решила молчать.

– Выглядишь паршиво.

Я села за компьютер рядом с Денни, не глядя на него, ввела школьный пароль и спросила:

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю. Но такое предположение кажется мне безошибочным.

Это был день после годовщины – день после того, как я узнала про книгу Макхейлов, – и мы с Денни пришли на свободный урок. Кто-то предпочитал проводить этот час в библиотеке, но большинство посещали кабинет информатики, где мы не столько занимались, сколько играли в игры на пока еще не заблокированных сайтах.

Этот кабинет был новым. После стрельбы прежний освободили и превратили в слишком большое складское помещение, в которое решится забрести только случайный невезучий преподаватель. После сбора денег построили новый кабинет, располагающийся в другом конце здания. Но в нем было приятно находиться. Денег оказалось достаточно, чтобы школа смогла купить тридцать новых компьютеров. Для такой небольшой сельской школы, как наша, – это значительное событие. Прежние были древними, медленными и склонными выключаться без предупреждения.

Вот Денни был фанатом. Новые компьютеры оказались совместимы с современным программным обеспечением скринридеров⁵, отчего работать – или, как было чаще всего, играть в игры – становилось легче.

– Давай будем честными, – сказала я. – Хорошо выглядит здесь только Глиттер.

⁵ Скринридер (Screen reader) – программа, позволяющая определять и интерпретировать (обычно в виде звуковых и/или голосовых оповещений) события, происходящие на экране.

Лабрадор подняла голову, когда я назвала ее имя. Она лежала возле стула Денни, поводок был привязан к ножке его стола. Она пару раз быстро вильнула хвостом, а потом опустила голову на ковер.

– Ну, да. – Денни достал из кармана наушники и начал их распутывать. – Она, в отличие от тебя и меня, прошлой ночью спала, как ребенок. И храпела. Я тебе говорил, что она храпит? Громко.

– Может, это тебе громко, потому что ты слепой и слышишь лучше нас, – отметила я, понимая, что это выведет его из себя. За последние пару лет Денни поделился со мной десятками нелепостей про слепых, которые озвучивали ему люди и в которые верили. Наиболее распространенное заблуждение – наличие у него сверхслуха.

– Ха-ха, – сказал он. – Ты хочешь быть актрисой? Иди в драму. Комедия – это не твое. Кстати, об этом. – Он как раз распутал наушники и теперь вставлял их в компьютер, чтобы воспользоваться скринридером. – У меня к тебе просьба.

– Просьба, для которой я нужна тебе как актриса?

– Нет. Насчет слепоты. И... годовщины. Я собирался спросить тебя вчера, но просто... – Он пожал плечами и воткнул один наушник в ухо, оставив второй болтаться. Пальцы забегали по клавиатуре, хотя монитор был выключен. Он всегда его выключал, чтобы одноклассники не подсмотрели через плечо, чем он занимался. Я его не винила. Наши одноклассники были любопытными, а нам не нравилось, когда кто-то стоял слишком близко.

– Что такое? – настороженно спросила я, изо всех сил стараясь не думать о Макхейлах, Саре или книге. Мне хотелось опустить голову, притвориться, что ничего этого не произошло, и дожить до выпускного, когда я смогу убраться из этого города, переехать в другую часть страны и быть кем-то другим. А разговор о вчерашней годовщине никак этому не поможет.

Я знала, что вела себя эгоистично. А еще врала себе. Если Макхейлы действительно выпустят эту книгу о Саре, шанса сбежать не будет. Ни у меня, ни у кого другого.

Интересно, слышал ли Денни новости? Он не знал правды про Сару и Келли. Никто не знал, кроме меня, но мне казалось, он не будет в восторге, что стрельбу снова станут освещать в СМИ. И не дай бог снимут фильм...

– Я подаю заявления на стипендию, – сказал он, выдернув меня из спирали мыслей. – Для одного из них требуется письмо, объясняющее, почему я заслуживаю ее. Я общался с мистером Халперном, школьным консультантом, и он думает, я должен написать о...

– Стрельбе.

– Да.

– Ну... – Я вздохнула. – Он прав. Будучи выжившим, ты определенно привлечешь внимание комитета.

Я сама поступила так с парой заявлений и точно понимала, почему он сомневался.

– Да, и я буду дураком, если не воспользуюсь этим. – Он скривился. – Мне мерзко даже говорить об этом. Ну да ладно. Я написал письмо и... выяснил кое-что неожиданное.

– Звучит зловеще.

– Нет, мне кажется, все совсем наоборот, – сказал он. – Вряд ли они этого ожидают, но я думаю, мне надо было это записать. Не знаю. Говорю какие-то глупости. Но я хотел знать, прочитаешь ли ты письмо, чтобы убедиться, что оно не слишком... обличительное.

– Ты волнуешься, что твое письмо покажется комитету по стипендиям обличительным?

– Ты поймешь, когда прочитаешь его, – сказал он. – Если прочитаешь. И я на это надеюсь, потому что Майлса вряд ли можно считать хорошим редактором.

– Эй, прекрати, – сказала я. – В этом семестре он сдаст язык как минимум на тройку с плюсом.

– После двух-то попыток.

Мы проигнорировали истинную причину, по которой Денни не просил помощи Майлса. Парню никогда не нравилось говорить о стрельбе. В смысле, остальные из нас тоже не горели желанием поболтать об этом за чашечкой чая, но с ним всегда все было по-другому. Он полностью закрывался из-за любого упоминания о том дне. А мы и не настаивали.

– Дианн тоже сказала, что прочитает, но мне хотелось бы услышать точку зрения... одного из нас, понимаешь?

Дианн – старшая сестра Денни. Когда это случилось, она училась в выпускном классе, как и Эшли. В тот момент она была в закрытом кабинете на другом конце школьного здания, поэтому я понимала, что имел в виду Денни. Дианн замечательная. Она даст ему полезные рекомендации. Но ее там не было. Она не была одной из нас.

– Хорошо, – ответила я, стараясь следить за тем, чтобы в голосе не сквозила неохота. – Отправь мне его по имейлу. Прочитаю сегодня.

– Спасибо, Ли. Ты лучшая. – Он воткнул второй наушник и снова начал печатать. – Надо было, наверное, начать с этого, а не говорить, что ты выглядишь хреново.

– Наверное.

Минуту спустя на электронную почту пришло письмо. Я сразу открыла документ, ведь заняться больше нечем, да и, не в обиду Денни, хотелось покончить с этим. Но... такого я не ожидала.

Письмо Денни изменило все. Стало катализатором. Именно оно сподвигло меня сделать это. А вы уже решите, хорошо это или плохо.

Уважаемая мисс Малгроув и члены Комитета по стипендии им.
Н. Хортон!

В качестве необходимых для получения стипендии материалов вы просили отправить письмо, объясняющее, почему именно я должен получить ее от вашей организации. Я много об этом думал, о том, что выделит мое письмо среди остальных. Я могу рассказать вам одну историю. Все ждут, что я напишу о ней в своих заявлениях и сочинениях. И я писал и удалял эту версию несколько раз.

Полагаю, комитет уже получил мое заявление. Если да, тогда вы в курсе – я темнокожий, с ограниченными возможностями и из округа Вирджил, Индиана. А поиск в Интернете выдаст несколько позорных роликов из местных новостей, где четырнадцатилетний Денни говорит о стрельбе и во время физиотерапии заново учится пользоваться тростью.

Так что история, которую вы ожидаете найти в этом письме, очень значима. Бедный парень из небольшого городка, слепой с рождения, выживает в школьной стрельбе и теперь пытается подняться – или что-то вроде того. Но это не моя история.

В смысле, наверное, моя – в ней все верно, – но при этом – нет.

Все факты на месте, но вот оформление неправильное.

Поэтому вместо ожидаемой версии этого письма вы получите менее значимую, но более честную. А потом я скажу вам, почему заслуживаю эту стипендию.

Я выделялся в нашей школе еще до стрельбы. Был одним из двух темнокожих детей в почти полностью белой школе (вторым ребенком была моя старшая сестра) и, ко всему прочему, единственным слепым. И люди не знали, как с этим быть. Одноклассники не относились ко мне плохо. Многих из них я знал с первого класса, и, да, кто-то был расистским придурком (простите, наверное, не стоит употреблять слово «придурок» в этом письме), а кто-то

предпочитал красть мои вещи и куда-то их прятать, так как я ничего не видел. Но они хотя бы честно в этом сознавались. И мои сверстники совсем не боялись задавать такие вопросы, как: «Это расизм?» и «Но как ты это делаешь, раз не видишь?» Да, это могло утомлять, но с учителями ситуация обстояла еще хуже.

Учителя выдвигали странные предположения или говорили всякие глупости. Например, учитель английского, который после моей презентации по «Повелителю мух» сказал, что я «четко выражаю свои мысли». Или руководитель школьного оркестра, который умолял меня к ним присоединиться, потому что был уверен – у меня невероятный музыкальный талант. Потому что, видимо, каждый слепой парень с темной кожей может быть перевоплощенным Стиви Уандером⁶ или Реем Чарльзом⁷. (Кстати, у меня нет музыкальных талантов.) О, и не будем забывать об учителе обществознания, который спросил, «видел ли я новости», а потом, тут же выпалив извинения, сменил «видел» на «слышал». И ко всему этому добавляются их додумки, понадобится мне помощь в классе или нет. Потому что, похоже, спросить меня напрямую – вопиющая мысль.

Но был один учитель, из-за которого мне не хотелось ударить себя тростью по лбу. И это – Эсси Тейлор.

Мисс Тейлор стала учителем информатики, когда я перешел в девятый класс, и была потрясающей – молодой, веселой, умной, и, да, я в нее влюбился. Но не волнуйтесь. Это письмо не примет странный извращенный оборот. Мисс Тейлор была моим куратором, не более того. И не только я ее обожал. Кабинет мисс Тейлор довольно быстро стал вторым домом для нас, фанатов своего дела. В нем мы проводили каждый обед, каждый свободный урок и каждый момент. Это был наш рай.

И он явно перестал быть таким.

Одна из причин, почему я влюбился в мисс Тейлор – если не считать того, что она потрясающая, – это ее познания в области технологий. Вспомогательные технологии для слепых в наши дни поражают и меняют чью-то жизнь. Да, скринридеры – это круто, я каждый день пользуюсь одной и той же программой, но это далеко не все. Вы знали о наличии таких платформ, которые могут назвать цвет одежды, когда подносишь ее к экрану? Есть также приложения, в которых делаешь фотографию – например, ярлыка или какого-то другого предмета – и через несколько секунд получаешь ее озвученное описание. И они очень точны. Однажды я сфотографировал свою собаку-поводыря и услышал – «взрослый золотистый лабрадор на синем одеяле». Есть видеоигры для слепых, в которых озвучивается весь процесс. Есть множество всего.

Но могло быть больше.

Мисс Тейлор первой предложила мне попытаться разработать приложение. Отправила мне ссылки на статьи, подкасты и помогла набросать варианты. Даже сказала, если закончу до конца семестра, она засчитает это как

⁶ Стиви Уандер (настоящее имя Стивленд Хардэуэй Моррис) – американский темнокожий соул-певец, композитор, пианист, барабанщик, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века, страдающий слепотой.

⁷ Рэй Чарльз – темнокожий американский эстрадный певец и пианист, ослепший в возрасте семи лет. В США считается одним из наиболее значительных «истинно американских» музыкантов послевоенного времени.

заключительный проект. Она заставила девятиклассника-нерда⁸ поверить, что необязательно ждать, когда вырастешь, чтобы сделать то, о чем мечтал.

А потом была стрельба.

Урок мисс Тейлор был факультативом, и здесь собирались ученики со всех классов, но в основном девятиклассники. А еще нас было совсем немного. Большинство ребят нашей школы предпочитали подготовительные уроки, поэтому на первом уроке прикладной информатики нас было меньше десяти. Я сидел со своими друзьями Джаредом Грейсоном и Рози Мартинез в передней части кабинета.

Джаред – скрытый геймер. Он вел себя, как типичный сын американского фермера, но в реальности знал о видеоиграх больше других. Он не просто в них играл – он знал все о разных разработчиках, какие движки и графику они использовали. Он мог бесконечно говорить о графике и частоте кадров, совсем не понимая, что слепому парню на это плевать.

Рози нельзя было назвать зубрилой. Конечно, она состояла в школьном совете, но при этом была королевой бала среди девятиклассников и единственной школьницей-новичком в группе поддержки. Но мы подружились еще раньше, когда она предложила позаниматься со мной испанским, если я помогу ей с уроком мисс Тейлор.

Самым странным воспоминанием о том дне стало то, что он начался как обычно. Урок почти закончился, многие из нас доделали задание (создали базу данных), в комнате слышались болтовня и стук клавиш.

Как бывало всегда.

– Я в восторге от новой игры Age of Dragons, но не могу решить, в каком варианте купить – для компа или приставки, – говорил Джаред. – Понимаю, что на компе будет смотреться лучше. В 4К должно выглядеть здорово. Но мой комп в последнее время тормозит, и я боюсь, игра будет лагать. Приставка, возможно, потянет, но не будет так смотреться. В смысле, нормально, но не с таким разрешением, как на компе. Но еще...

– Денни, – перебила его Роза. – Я пытаюсь выбрать подарок бабушке на день рождения. Если бы ты был семидесятилетней женщиной, что бы предпочел: удобный свитер или симпатичное ожерелье? Не забывай, что я на мели, так что, вероятно, подарок будет из «Уолмарта»⁹.

– Эй, – сказал Джаред. – Мы тут разговаривали.

– Нет, это ты разговаривал, – отметила Роза. – И Денни плевать, в каком разрешении ты играешь в свою дурацкую игру. Он слепой.

– Да, но зато ему очень интересно, что купить твоей бабушке, – парировал Джаред.

– Интересно. Потому что он – рассудительный парень. В отличие от других.

– Я рассудительный!

– А теперь поцелуйтесь, – сказал я. Потому что до сих пор уверен – эти двое были влюблены друг в друга. Да, они постоянно спорили, но поодиночке сохли друг по другу. Кроме видеоигр Джаред говорил лишь о Розе. Она

⁸ Нерд (англ. nerd) – замкнутый интеллект, увлекающийся чем-то узкоспециальным и непонятным большинству. В отличие от фаната или гика, нерд часто оторван от общества и его хобби нередко становится причиной обособленности. В большинстве случаев такая характеристика применяется по отношению к людям, чрезмерно увлеченным новейшими технологиями, компьютерными играми или кодированием.

⁹ Walmart – торговая марка одноименной американской компании, крупнейшая в мире сеть оптовой и розничной торговли.

действовала не так очевидно, но я ее знал. Он ей нравился. Даже если она никогда в этом не признается.

– Итак, ребята, – произнесла мисс Тейлор. Ее голос раздался из передней части кабинета, где сидели я, Джаред и Роза. – Через несколько минут прозвонит звонок. Пожалуйста, не забудьте выйти из системы и...

Она замолчала. Я не знаю, как это объяснить, но почувствовал, что все переключили свое внимание. Помню коллективный вздох, но не уверен, произошло это на самом деле или мой мозг просто внушил его мне, потому что это казалось логичным.

А потом раздался громкий хлопок, крики, и две руки – по одной с каждой стороны – схватили меня за руки и дернули вниз, на пол. Все произошло так быстро, что я ударился лбом о край парты. Одну странную секунду я думал, Роза и Джаред решили мне отомстить за поддразнивание. Но это не объясняло громкий шум и почему они вместе со мной, запутавшись в ногах, забрались под парту.

Люди всегда полагают, те несколько минут хаоса были самыми страшными в моей жизни. Но это не так. Они были самыми непонятными. Я не видел стоящего на пороге кабинета с оружием. Не знал, что это был за хлопок. Понимал лишь только, что было громко. Я прижал руки к ушам, надеясь, что через секунду все пройдет и кто-то мне объяснит, что произошло.

Я почувствовал, как Джаред рядом со мной обмяк, и опустил руку, чтобы спросить его, что происходит. Но он не ответил, и я списал это на шум. Даже когда мою руку, прямо под локтем, прошила пуля, я ничего не понял. Почувствовал боль и знал, что пошла кровь, но все равно не мог сложить два и два. Возможно, все дело в шоке, адреналине или просто отрицании, но я не испугался. Это же школа. Здесь не надо бояться.

А потом хлопки удалились. Я услышал их в коридоре, вне кабинета информатики, услышал голос по интеркому, призывающий учителей перейти к режиму изоляции. И тогда-то понял, что что-то не так. Мы с первого класса отрабатывали изоляцию. И я все равно этого не понимал, как бы безумно это ни звучало. Помню, как сидел под столом с окровавленной рукой и гадал, почему мисс Тейлор до сих пор не закрыла дверь.

И тут воцарилась тишина. Самая тяжелая тишина. Не знаю, как еще это объяснить. Но было так тихо, что я подумал – эти хлопки порвали мои барабанные перепонки. Я потянулся к Джареду и подтолкнул его, но он безжизненно соскользнул вниз. Я подумал, он потерял сознание. Возможно, тоже ударился головой. Внутри меня формировался ком, и я решил – позже отчитаю его и Роза за то, что так быстро потянули меня вниз.

А затем я услышал, что кто-то движется по кабинету. И дышит. Обычно я не замечаю, как дышат люди, – будучи слепым, я не обладаю сверхслухом, – но это дыхание было быстрым и громким. В такой тишине это спровоцировало тревогу.

– Эй? – сказал я, потому что больше ничего не придумал.

– Тише. – Голос говорил резко и прерывисто, и, что странно, я его не узнал. Мне казалось, я мог узнать голоса большинства из класса.

Снова движение, и кто-то как будто пополз ко мне. Я подумал: зачем кому-то ползти ко мне по кабинету? Должны ли мы ползти во время изоляции? Это часть отработки, которую я упустил? Я понимал, насколько странны мои мысли, но в тот момент все было так нелогично.

– Молчи, – произнес голос, оказавшийся ближе. – Я слышал сирены. Копы будут... О, нет, Рози.

– Что? – спросил я. – Зачем приедут копы? Что не так с Рози? Что происходит?

Но девочка – а это был женский голос – все продолжала повторять надломленным шепотом: «О, нет, о нет, о нет».

Позже я выяснил, что этой девочкой была Иден Мартинез, кузина Рози, а повторяла она эти слова потому, что Рози была мертва. До этого дня я ни разу не слышал, как разговаривает Иден. Она тихая и замкнутая. Полная противоположность Рози. Но мы вдруг остались единственными выжившими в этом кабинете.

Тогда я этого не знал. Мне это стало известно только после того, как приехали копы. Когда меня погрузили в «Скорую», я узнал, что рука болит из-за огнестрельного ранения. А полный масштаб случившегося я узнал, лишь оказавшись в больничной палате с родителями и сестрой.

Вскоре после этого появилась съемочная бригада. И за следующие несколько месяцев вышло огромное количество историй и рубрик обо мне. Я перестал быть слепым парнем. Теперь я был слепым парнем, который выжил в массовой стрельбе. И почему-то моя история считалась самой интересной. Или самой трагичной. Словно для меня все могло быть гораздо хуже, потому что я был единственным инвалидом в этом кабинете, испуганным и потерявшимся в хаосе.

Но я не думаю, что это правда.

Не поймите меня неправильно. Я не утверждаю, что стрельба на меня не повлияла. Я потерял двух лучших друзей и любимую учительницу. Физическая терапия и обучение снова пользоваться тростью были отстойными. Я до сих пор вздрагиваю из-за громкого шума, и иногда мне снятся кошмары. Но не могу перестать думать, что в сравнении с остальными отделался относительно легко. Потому что ничего не видел. Но послушайте, необязательно что-то видеть, чтобы получить травму...

Конечно, я это знаю – но большая часть боли и ужаса настигла меня уже после. Она возникла, когда я узнал, что произошло. Я не стал этому свидетелем, как все остальные. Не видел тела своих друзей. До этого дня не знаю и не хочу знать, где застрелили Рози, Джареда или мисс Тейлор. Остальным выжившим не так повезло.

У меня есть возможность оставаться в неведении.

Поэтому мне не очень нравится трагический вдохновляющий образ меня такого, каким меня хотят видеть. Если уж на то пошло, я чувствую себя мошенником. Я годами чувствовал вину за то, что не страдал от большего количества боли. Что, если подумать, довольно хреново.

Не думаю, что заслуживаю эту стипендию потому, что я – темнокожий парень из бедного района, который родился слепым и пережил стрельбу. Я заслуживаю эту стипендию из-за своих амбиций и таланта.

Хоть я так и не получил оценку за то приложение в девятом классе, я разработал и другие. На данный момент они банальны и не стали успешными за одну ночь, но они доступны для людей с нарушением зрения. И у меня есть более внушительные идеи. Однажды, уверен, я смогу изменить игру, когда дело коснется вспомогательных технологий и доступной среды.

Не потому, что хочу вдохновлять людей – на данный момент я очень устал всех «вдохновлять», – а из-за того, что смог бы им помочь. И давайте будем честными – ради собственной выгоды. Я устал быть Денни Лукасом – слепым выжившим из старшей школы округа Вирджил. Я готов стать Денни Лукасом – богом технологий. Или хотя бы Денни Лукасом – парнем, который делает реально крутые вещи.

Знаю, есть шанс, что я вас разочаровал. Но я надеюсь, комитет поймет, почему я должен получить эту стипендию. У меня масштабные цели. Я мотивирован и амбициозен и знаю, что благодаря этой финансовой помощи смогу придумывать очень крутые вещи.

Поэтому прошу вас рассмотреть мое заявление. Не из-за того, кто я есть или через что прошел. А по причине того, кем стану через десять или пятнадцать лет. Я знаю, что обладаю потенциалом и смогу рационально использовать эти деньги. Надеюсь, вы думаете так же.

*С уважением,
Денни Лукас.*

Письмо Денни на получение стипендии перевернуло мой мир.

Не знаю почему, но до прочтения я не понимала, что остальные выжившие пытались справиться с тем, как рассказаны наши истории. Я настолько погрузилась в свою вину за произошедшее с Сарой и Келли, что даже не понимала, как исказили истории других. Узнав, что Денни был недоволен тем, как его увидел мир, я почувствовала себя менее одинокой, но не уверена, что мне стало легче.

Я понимала, что должна рассказать ему правду о Келли и Саре. Прочитав новости о книге Макхейлов, я постоянно находилась на взводе, в панике и, если бы ни с кем этим не поделилась, то, наверное, взорвалась бы.

– Я прочитала твое письмо, – сказала я ему на следующий день за обедом. Мы сидели в столовой за небольшим круглым столом у стены, откуда я с легкостью могла наблюдать за всеми выходами. Майлс сидел рядом и, прикрыв глаза, опустил голову на толстую книгу, которую всю последнюю неделю везде таскал с собой. Я не знала, спит он или нет. Во время обеда в основном разговаривали мы с Денни.

Точнее, говорил Денни.

– По шкале от одного до десяти, насколько я гениален? – спросил Денни. – Один – гениален. Десять – круче проклятого солнца.

– Минус четыре, – сказал Майлс, не открывая глаз.

Денни засмеялся.

– В точку. Но серьезно. Ли, насколько плохо?

– Оно нормальное, – ответила я. – Заставило меня многое обдумать. – Я замолчала и проткнула вилкой небольшой кусок жирной школьной пиццы. (Да, я ем пиццу вилкой. Можете меня осуждать. Майлс и Денни уже сообщили, что это неприемлемо.) И добавила, перед тем как поднести вилку к губам: – Вообще-то я надеялась обсудить это после школы.

– Ты имеешь в виду, озвучить замечания или помочь отредактировать? – спросил он.

Мой рот был занят едой, и я кивнула, а потом вспомнила, что он не видит. Я знала Денни большую часть своей жизни и дружила с ним последние три года. И меня до сих пор смущали такие незначительные ошибки, как эта. Я прожевала, быстро сглотнула и ответила:

– Да. Типа того. Если не против, могу после школы отвести вас с Глиттер домой.

– Ладно, это круто, – ответил Денни. – День, когда мне не надо выполнять маневры с Глиттер в школьном автобусе, – хороший день.

Он потянулся к лежащему возле его стула золотистому лабрадору. Она подняла голову и ткнула носом в его ладонь. Он провел рукой по ее морде до шеи и начал чесать за ушами.

Я ощутила на себе взгляд.

Майлс поднял голову и вопросительно выгнул бровь.

– Ты... не против доехать до дома на автобусе? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Все нормально.

Но не отвел взгляд.

Он понимал – что-то происходит. Иначе бы я просто сделала еще одну остановку по пути домой. Но он ничего не спросил. И я знала, что не спросит.

А вот Денни спросил.

Тем днем, когда я припарковалась на его подъездной дорожке и целую минуту просидела в молчании, не зная, с чего начать свою речь, он сделал все за меня.

– Похоже, дело не в моем письме.

– Что?

Он поднял плечо.

– Ты попросила Майлса доехать до дома на автобусе. Несложно понять, что что-то происходит, потому что мое письмо на получение стипендии не требует такой секретности. Так что происходит?

Я выдохнула.

– Вообще, дело вроде как в твоём письме, – сказала я.

– Серьезно? Черт. Теперь я взволнован.

– Прекрати, – сказала я ему. – Не стоит волноваться из-за письма. Оно хорошее. Очень. И заставило меня задуматься кое о чем... о стрельбе.

– О, – сказал Денни. – Кажется, разговор предстоит нелегкий, поэтому голосую за то, чтобы выбраться из этого грузовика, устроить налет на мой холодильник и выйти на задний двор, чтобы Глиттер передохнула во время нашего разговора.

– Я за.

Десять минут спустя мы с Денни, с лимонадом и только что приготовленным попкорном прошли по его дому до задней двери. Освободившаяся от ошейника Глиттер следовала за Денни, не сводя глаз с попкорна.

– Глиттер, пожалуйста, не путайся под ногами, – попросил он, когда она столкнулась с ним. – Ее тренировали не просить еду у людей, и обычно она спокойно на нее реагирует, но, клянусь, из-за попкорна сходит с ума.

– Разве можно ее винить?

Он засмеялся.

– Не совсем. Попкорн – еда богов.

– Ты знал, что Майлс ненавидит попкорн?

– Правда? Тогда, наверное, мне надо перестать с ним дружить. Позор. А он только начал мне нравиться.

Он легко шел по дому без помощи Глиттер и трости, которой пользовался до возвращения собаки осенью. Единственным намеком на его слепоту было то, что он временами щупал стену. Когда мы дошли до задней двери, он отпер ее одной рукой и распахнул. Едва успел откинуть москитную сетку, как Глиттер пронеслась мимо него и, чуть не сбив Денни с ног, выбежала в огороженный двор.

– Господи, Глиттер, – сказал он, сдерживая смех, и вышел на небольшое деревянное крыльцо.

Глиттер уже кругами носилась по двору, зажав в пасти взявшийся из ниоткуда теннисный мячик. Хотя я много раз видела ее такой с тех пор, как она оказалась у Денни, но это всегда ошеломяло. В ошейнике она такая спокойная, сосредоточенная. Денни говорит, он словно ее деловой костюм. В нем она понимает, что пора быть профессионалом. Но как только его снимают, пора развлекаться.

Мы сели на ступеньки и положили между нами теплый пакет с попкорном.

– Итак, – сказал он, осторожно открывая банку с лимонадом. – Теперь у нас есть что поесть, поэтому выкладывай, что происходит.

Я услышала тихий стук по деревянным планкам и только тогда поняла, что нервно отби-вала ногой по нижней ступени. Мне казалось правильным поговорить с Денни, словно я могла наконец снять груз с плеч и поделиться с тем, кто поймет. Но сейчас, оказавшись здесь, когда он готов меня слушать, чувствовала, что готова сорваться.

– Ли? Ты в порядке?

Выкладывай, сказала я себе. Просто скажи. Пора это сказать.

– Эта цепочка не принадлежала Саре.

Слова вышли быстро, на одном дыхании.

Денни застыл, рука с попкорном зависла в воздухе на полпути ко рту. А затем он медленно опустил ее.

– Подожди... что?

Теперь тряслись не только нога, но и руки. Я прижала их к коленям.

– Цепочка, которую нашли в уборной, не принадлежала ей. Не знаю, откуда пошел этот слух, но она не ее. И она ничего ему не говорила. Ни слова.

– Прости... ты уверена?

– Да, – ответила я. – Я не знаю, что еще произошло в уборной. Не знаю, что именно случилось с Келли. Но история про Сару – неправда.

– Ого, – сказал Денни. – Это... ого. – Он покачал головой. – Почему ты говоришь мне это сейчас?

– Твое письмо заставило меня задуматься, – сказала я. – Обо всех неверных суждениях о стрельбе. О нас. Кажется, я долгое время считала, это касалось только меня – и что люди неверно восприняли историю Сары. Но это не так. Понимаю, что ты писал о другом, но... не знаю.

– О другом, – согласился он. – Но я, кажется, понимаю, о чем ты.

– А потом я подумала о сказанном тобой на годовщине, – продолжила я. – Что, когда мы окончим школу, не останется никого, кто был там. И все в нашей школе будут судить по тому, что слышали или видели в новостях и... и это станет фактом. А потом выйдет книга Макхейлов...

– Я об этом слышал, – признался Денни. – Ты говорила им об этом? О Саре?

– Нет. – Я закусила нижнюю губу, живот крутило от чувства вины. – Почти сказала. Пару лет назад. Но... мне тогда показалась, что таким образом я отниму у них что-то. Словно им действительно надо верить в эту историю. Я не смогла.

– Это тяжело, – сказал он.

– Я понимаю, что опоздала на три года, но должна что-то сделать. Все время думаю о Келли. Не знаю, что именно случилось с ней в тот день в уборной, но она была права насчет того, что с Сарой этого не произошло. А ты помнишь, что с ней произошло. Тогда я ничего не сделала, а понимала, что стоило. И мне надо сделать это сейчас. Просто не знаю, кому рассказать. Или как.

– Ты не сообщила даже детективу Дженнеру? – спросил Денни. – Когда он опрашивал тебя после?

– Когда мы с ним разговаривали, я еще даже не слышала этой истории. Поделилась с ним основным. Что он вошел, что мы находились в кабинке и что он ее убил. Когда детектив Дженнер попытался узнать больше, я... на меня нахлынули воспоминания, и я испугалась, поэтому мы прервались. Вероятно, не будь этого, он бы задал мне вопрос про цепочку. Не знаю. Я облажалась, да?

– Тебе было четырнадцать, и на твоих глазах убили подругу. Думаю, тебя можно простить.

Но я не была в этом уверена. Ведь из-за этого пострадал другой человек.

– Возможно, неплохо бы начать с детектива Дженнера, – предложил он. – Что бы ты ни решила делать дальше, он должен знать.

Я протяжно выдохнула. Денни был прав – если кто и должен об этом знать, так это расследовавший стрельбу офицер, – но мне меньше всего хотелось его видеть. Он вошел в мою жизнь в самые тяжелые дни, когда я едва спала, страдала от частых панических атак и все еще пыталась найти верную дозу лекарства. С тех пор я прошла долгий путь, но мне все равно кажется, что я иду по натянутой веревке. Один промах, одно неловкое движение, и я рухну туда, где была три года назад.

Денни не мог читать мои мысли, как Майлс, но не нужно быть телепатом, чтобы понимать, о чем я думала в тот момент. Уверена, у всех остальных с детективом Дженнером возникали те же ассоциации. Он был хорошим человеком, но никому не хотелось снова с ним встречаться.

Но Денни сказал:

– Я пойду с тобой.

– Не стоит...

– Я знаю, что не должен, – сказал он. – Но пойду. Можем отправиться на этой неделе после школы. Я придумаю оправдание для родителей.

В этот момент к нам метнулась Глиттер, держа во рту слюнявый теннисный мячик. Она бросила его к моим ногам, подпрыгнула, положила лапы на мои колени и облизала мне щеку. Словно сказала: «И я тоже пойду».

Я неожиданно для себя засмеялась.

– Хорошо, – ответила я и почесала ее за ухом. – Спасибо. – Она оставила мои колени в покое и сделала еще один круг по двору. Я потянулась и положила руку на плечо Денни. – Правда. Спасибо. Ты хороший друг.

– О, я знаю, – сказал он. – Я лучший.

Я понимаю, что многое рассказала о Саре, но почти ничего о других жертвах. Отчего становлюсь не лучше СМИ. Про Сару выпустили много репортажей, но про других умерших там людей забыли уже через несколько недель. Они быстро стали безымянными жертвами, всего лишь частью «девятерых убитых».

Но я знала этих людей, как знала Сару. Может, не так хорошо. Некоторых знала лишь по именам. Но они были людьми. Детьми. И их смерти были так же значимы, как и ее, пусть даже они не скончались мученически за свою веру.

Поэтому я изо всех сил постараюсь это исправить с помощью других выживших, которые лучше меня знали некоторых из них.

Начать, наверное, стоит с мисс Тейлор.

Эсси Тейлор

15 марта мисс Тейлор стала первой жертвой.

Я не очень хорошо ее знала. Видела каждое утро в коридоре по пути в кабинет. Она была молодой, всего двадцать три года, и очень симпатичной – золотисто-светлые волосы свободными волнами ложились на плечи. Помню, она всегда носила одежду с цветочными узорами, всегда ярких и теплых цветов – красный, оранжевый и розовый. В следующем году я планировала посещать ее уроки, потому что понадобился бы факультатив, а урок труда мне не нравился.

Но не успела.

И учитывая то, что я не знала ее достаточно хорошо, я отправила Денни имейл и попросила его написать пару слов.

Привет, Ли.

Хочешь узнать больше о мисс Тейлор? Посмотрим...

Ну, могу начать с первого дня девятого класса. Мой первый день в старшей школе и ее первый день в качестве учительницы. Я пока не ходил к ней на урок, выбрал его только в следующем семестре, но уже был компьютерным нердом. Поэтому мы с Джаредом на обеде забили на очередь за пиццей и отправились исследовать кабинет информатики.

Конечно, там находилась мисс Тейлор. Когда мы вошли, она представилась и разрешила нам воспользоваться одним из компьютеров.

– Вот, черт, – сказал Джаред. – Они все старые. Как динозавры в средней школе. Я надеялся на что-то получше.

– Отстойно, – сказал я.

– Если бы школа не тратила столько денег на чертов футбол, то могла бы себе позволить компьютеры получше.

– Ты просто злишься, что не попал в команду.

– Заткнись, – обиделся он. – Кроме того, все нормально. В следующем месяце выходит Bomb Shelter Four, и мне понадобятся дополнительные часы для игры.

Пока Джаред занимался компьютером, я просто сидел рядом. На них пока не установили скринридеры. Школа приложила бы усилия лишь в том случае, если бы эта программа понадобилась мне на уроке. Именно так всегда и было. Любезны, лишь когда это требуется.

Но потом ко мне подошла мисс Тейлор. Я понял это потому, что она сказала:

– Денни, я слева от тебя, мисс Тейлор.

– Привет, учительница.

– Можно поговорить с тобой минутку?

– Я уже умудрился вляпаться?

– Нет, что ты. – Она села рядом, по другую сторону. – Как думаешь, ты будешь проводить здесь много времени?

– Я даже не знаю, – ответил я. – Будет зависеть от того, когда будет первый урок. Если до тех пор не установят программное обеспечение...

– Позволь я перефразирую, – сказала она. – Ты хочешь проводить здесь время?

– Конечно, хочет, – встрял Джаред. – Денни любит компьютеры.

– Это верно.

– Хорошо, – сказала она, и я услышал в ее голосе улыбку. – Тогда сделай мне одолжение и скажи, что именно нужно установить. Только не те программы, что обычно для тебя устанавливают – в них нет смысла, если они не помогают. Так что скажи, что действительно сделает эти компьютеры удобными для тебя, а я позабочусь, чтобы все было сделано.

В этот момент она стала моей любимой учительницей.

Возможно, это скромный жест, но я так привык, что люди думают, что знают, что для меня лучше, что мне нужно. Это, наверное, одна из издержек инвалидности. Поэтому меня взволновало, что учитель спросил меня – и послушал. И она сдержала свое слово. На один из компьютеров установили приличный скринридер, и она даже заставила меня показать ей, как он работает. Никто из моих учителей не удосужился что-то узнать о необходимых мне вспомогательных технологиях.

А потом она, естественно, в следующем семестре стала моим учителем. К тому моменту я уже был невероятно влюблен в нее. Хотя иногда она отпускала ужасно примитивные шутки.

О господи. Больше всего она любила эту:

«Почему пиратам-подросткам не разрешили смотреть фильм? Из-за его рейтинга, черт побери!»

Клянусь, она рассказывала нам эту шутку десятки раз и каждый раз смеялась так сильно, что начинала хрюкать.

Мы не можем все быть идеальными.

Не знаю, такой ли рассказ ты ждала от меня. Я знал ее только как учителя, поэтому мне мало что известно о ее жизни за пределами школы. Кажется, ее семья из северной части Индианы, и она однажды сказала мне, что выросла на ферме.

Но я знаю, она была лучшим учителем, которого четырнадцатилетний нерд только мог пожелать, и именно такой я хочу ее запомнить.

Ли, надеюсь, помог.

Денни

До моей неудавшейся попытки признаться родителям Сары я уже могла один раз внести ясность в данный вопрос.

Это произошло в конце лета. Всех свидетелей попросили вернуться в старшую школу, чтобы провести следственный эксперимент и помочь детективам разобраться, в каком порядке все произошло. Они расспрашивали нас в течение нескольких дней после стрельбы, но мы все находились в разных местах – как в кабинете информатики, так и в коридоре и женской уборной, – поэтому без четкого представления о событиях было сложно собрать кусочки головоломки воедино.

Мы не были обязаны это делать, нас скорее попросили. Мама все время напоминала мне это, пока везла к школе. Я могла поехать домой, если хотела.

– Парень все равно мертв, – заезжая на парковку за школой, сказала она, имея в виду стрелявшего. – Не понимаю, что тут еще расследовать.

Но я видела в этом возможность. К тому моменту слухи широко распространились, история о предполагаемых последних минутах Сары затмила саму стрельбу. Но Келли появится на следственном эксперименте. Идеальное время для нас двоих внести ясность в произошедшее тем утром в уборной. Тогда о Саре перестанут говорить так, будто она ангел, а не моя лучшая подруга, человек. Люди поверят Келли и ее семье. А я перестану ощущать вину.

Таким был мой план.

Детектив Дженнер встретил нас у черного входа в школу. Нас попросили припарковаться за зданием и войти в ближайшую к магазину дверь. Возможно, из-за того, что большое количество припаркованных у еще закрытой школы машин привлечет внимание СМИ. Но здесь никто не увидит наши машины с главной дороги, как и нас, входящих внутрь.

– Добрый день, мисс Бауэр, Лиэнн, – сказал детектив Дженнер, придерживая для нас дверь. – Идите за мной. Мы еще ждем остальных. Иден Мартинез и Денни Лукас уже здесь. Они разговаривают с детективом Вайнбергом о том, что произошло в кабинете информатики. Как только закончат, мы поговорим с вами и остальными о случившемся в коридоре и уборной. К нам едут Эшли Чамберс и ее родители. Насчет остальных пока не уверен.

– Майлс не придет, – сообщила я детективу Дженнеру, молодому парню лет тридцати, который выглядел моложе, хотя темные круги под глазами свидетельствовали об усталости. – Майлс живет по соседству. Я спросила его, и он ответил, что сегодня его не будет.

Детектив Дженнер кивнул и вздохнул.

– Это не радует, но я понимаю. Жаль, конечно. Я собирался поговорить с ним и Эшли о том, что произошло в коридоре. Он словно настоящий герой. Ну да ладно... – Он замолчал, скользнув взглядом по моему лицу. – Лиэнн, ты в порядке?

Мы шли по коридорам в сторону прежнего кабинета информатики. Я впервые оказалась здесь после стрельбы и пыталась представить, что это вовсе не старшая школа округа Вирджил. Сначала это было легко. Школа пустовала и стояла в тишине, если не считать наших голосов и эхом раздающихся шагов. В нашей школе никогда не было настолько безлюдно и тихо. И я находилась здесь с мамой и офицером полиции, двумя людьми, с которыми почти никогда не появись в старшей школе.

Я продолжала об этом думать, пытаясь убедить себя, что нахожусь в другом месте, и выискивала глазами Келли или ее родителей. Но никого не видела. В нескольких метрах от кабинета информатики я услышала другие голоса. Иден что-то объясняла так тихо и быстро, что я не могла понять, что она рассказывает детективу Вайнбергу.

Уверена, тогда меня и затошнило. Потому что я увидела открытую дверь в женскую уборную. И больше не могла притворяться, что мы в другом месте.

– Ли? – спросила мама и положила руку на мое плечо. – Ты белая, как привидение. Плохо? Хочешь уйти?

Я покачала головой. Келли пока здесь не было. Мне надо остаться. Надо увидеть ее, чтобы рассказать детективам, что произошло на самом деле. Я обхватила себя руками и постаралась дышать медленно. Вдох через нос, выдох через рот. Такова же техника, верно? Я не могла вспомнить.

Детектив Дженнер оставил нас с мамой в коридоре и вошел в кабинет информатики. Я заметила через открытую дверь, что там почти ничего не осталось, кроме пары парт, под одной из которых сидел Денни. Он не смотрел на меня, детектив Дженнер и Вайнберг перекинулись парой слов, а потом задали вопрос Иден, которую я не видела.

Я сверлила взглядом спину Денни. Не отваживалась смотреть на что-то другое, особенно в сторону уборной в другом конце коридора. Денни был моим другом. Денни – это безопасно. *Продолжай смотреть на Денни*, твердила я себе.

Он чуть сдвинулся; такое еле уловимое движение можно заметить, только если пристально смотришь. И я задумалась, что же он чувствовал, сидя под этой партой в том же самом месте, что и несколько месяцев назад? Сложно ли ему сидеть там несколько минут, пока люди обсуждают стрельбу, разбирают ее шаг за шагом, словно собирают кубик Рубика, а не прорабатывают путь массового убийцы.

Несколько минут спустя из кабинета вышли два детектива, за ними Иден и Денни. Он выглядел слегка уставшим, а Иден явно плакала. Она посмотрела на меня и смущенно отвела взгляд.

– Спасибо, ребята, – сказал детектив Дженнер. – Наверное, на сегодня все. Мы очень ценим, что вы приехали и прошли это с нами. – Он посмотрел на меня. Лиэнн, дай мне секунточку. Нам с детективом Вайнбергом надо кое-что обсудить, и надеюсь, когда закончим, к нам присоединится Эшли. Хотелось бы разобраться со всем по порядку.

Я кивнула, и два детектива прошли обратно в кабинет информатики.

– Ли? – спросил Денни.

– Я здесь, – ответила я.

Его трость застучала по полу, пока он не поравнялся со мной.

– Это странно, да? – сказал он, прислонившись к стене.

Я неожиданно засмеялась.

– Денни, где твои родители? – спросила мама.

– Работают, – ответил он. – Они хотели приехать, но я попросил этого не делать. Такие подробности их только напугают. Так что меня привезла семья Иден.

Я оглянулась, но нигде не увидела ее родственников. Похоже, она это заметила, потому что сказала:

– Они снаружи, в машине. Сначала вошли, но детектив Вайнберг начал обсуждать схему раскладки на уроке... упомянул, где сидела Роза... – Она пожала плечами. – Из-за плачущих бабушки и тети детективу Вайнбергу стало сложно меня слышать.

– Они плакали не так уж громко, – отметил Денни. – Просто ты очень тихая. Даже после их ухода он как минимум трижды просил тебя говорить четче.

– Денни, – прошептала мама, ее явно ужаснуло его отношение.

Но Иден махнула рукой.

– Все нормально, мисс Бауэр. Он прав. И знает, что, задевая, не дает мне много думать о... – Она замолчала и после долгой паузы прокашлялась. – Но нам пора. Семья ждет. Удачи, Ли.

Я кивнула и смотрела, как они с Денни направились по коридору, их фигурки становились все меньше и меньше, пока не исчезли за углом. Теперь осталась только я. И мама. И детективы, которые вот-вот пригласят меня в эту уборную.

Расслабься, сказала я себе. Это всего лишь уборная. Комната с раковинами и унитазами. Прекрати бояться. Ты ведешь себя глупо.

Детективы уже вернулись, но Эшли и Келли так и не приехали. Мужчины переглянулись, детектив Вайнберг вздохнул и постучал пальцами по планшету.

– Лиэнн, – сказал детектив Дженнер, повернувшись к маме и ко мне. – Мы очень хотели разобрать все по порядку, но не хотим отнимать у тебя много времени. Поэтому, если ты не против, начинай.

Я оглянулась на пустой коридор. Келли так и не пришла. Как мы объясним, что произошло в действительности, если она так и не пришла?

– Может, хотя бы подождем Келли? – спросила я, стыдась дрожи в голосе. – Так как мы обе находились... там.

Я показала на женскую уборную.

– Это было бы идеально, – сказал детектив Дженнер. – Но она опаздывает, и мы не уверены, придет ли вообще. Возможно, она передумала. Если она покажется, мы пройдемся с ней отдельно и сравним ее показания с твоими.

– Эм, хорошо. Конечно.

Я собиралась сама все рассказать. Сообщить детективу Дженнеру, что именно произошло с Сарой, пояснить, что все истории про нее – неправда. А потом, когда появилась бы Келли, им пришлось бы ей поверить. Вот так просто.

Или должно быть просто.

Детективы направились в сторону уборной и пригласили нас с мамой проследовать за ними. Мама снова положила руку на мое плечо, но я сбросила ее и сурово на нее посмотрела. Не хотела, чтобы она нежничала со мной. Вообще не хотела, чтобы она здесь находилась. Жаль, она не такая, как родители Денни. Мне бы хотелось, чтобы она осталась в стороне, если бы я попросила. Но этого не будет. Она хотела «быть здесь ради меня». И меня это бесило.

Чем ближе мы подходили к уборной, тем больше я теряла связь с реальностью. По-моему, только так это можно описать. Я представляла себе помещение изнутри, светлые плитки, потемневшие от крови. Выстрелы и крики. Они звучали, но я знала, что не слышала их. Они скорее раздавались в моей голове, чем в ушах. Я чувствовала запах меди, пороха и сигаретного дыма. Каждый шаг к двери приближал меня к обрывкам воспоминаний.

А потом мой мозг начал выдавать фрагментарные пугающие мысли. Зазвучала предупредительная сирена, когда детектив Вайнберг вошел в уборную, а я должна была следовать за ним.

боль страх смерть темнота ничто ничто миру придет конец мы все умрем все не важно ничто темнота

И только так я могу описать пронесившиеся мысли. Я стояла на пороге уборной и смотрела на детективов Дженнера и Вайнберга, которые встали у кабинок и ждали, когда я войду. На крошечную долю секунды мне показалось, я увидела у раковины Сару, которая, как в то утро, рассматривала небольшую отметину на шее, а потом мир вокруг нас рассыпался на части.

И я побежала.

Я поняла, что начала двигаться, лишь когда услышала за собой мамин окрик. К тому моменту я забежала за угол и практически приблизилась ко входу, куда мы шагнули несколько минут назад. Но даже тогда не остановилась. Я распахнула двери и побежала к машине. Схватила ручку пассажирской двери, но она не открылась. Я дергала ее и дергала, ругалась, лицо стало горячим и влажным. Слезы. Я даже не поняла, когда начала плакать. До или после того, как сбежала?

– Ли! – снова позвала мама. Она тоже выбежала за мной на улицу. В ее глазах отражался страх. – Детка.

Она потянулась ко мне и попыталась обнять, но я оттолкнула ее – действительно оттолкнула.

– Отвали! – закричала я. – Отвали от меня.

– Ли, – прошептала она и теперь не только от страха. Ей было больно. Она вдохнула. – Поехали домой.

Я быстро покачала головой.

– Нет! Нет, мне нужна минутка. Я приду в себя. Я в порядке. Просто нужна секундочка, а потом я могу вернуться и попробовать еще раз. Я просто испугалась, но могу вернуться. Я могу это сделать. Я должна.

– Нет, это не так, – сказала она. – Ты не должна, и мы едем домой.

– Но следственный эксперимент...

– Забудь о нем, – сказала мама. – Все хорошо. Детективы поймут. Идем.

Знаю, что надо было поспорить. Надо было остаться. Надо было сделать то, ради чего я сюда пришла. Но мама открыла машину, и я забралась внутрь. А когда рядом с нами припарковалась еще одна, я от стыда и сожаления сползла ниже на сиденье.

Кабинет детектива Дженнера за эти годы мало изменился. Тот же металлический стол, усыпанный бумагами. Та же фотография его семьи возле того же старого компьютера. Изменился лишь сам детектив Дженнер.

Его волосы рано поседели, а под глазами залегли тени. Он как будто постарел на десяток лет за эти три года. Расследование дела с таким количеством смертей подростков и не до такого доведет, подумала я.

– Лиэнн, – произнес он, шагнув в кабинет. – И Денни. Должен сказать, это сюрприз. Могу чем-то помочь?

Я взглянула на Денни. Конечно, он на меня не смотрел, но меня успокаивало его присутствие. Я глубоко вдохнула и повернулась к детективу Дженнеру.

– Мне нужно поговорить с вами насчет стрельбы.

Лицо детектива Дженнера стало пепельным, а морщинки вокруг глаз сделались заметнее.

– Хорошо. – Он обошел стол и сел на металлический стул. – Что случилось?

– Дело в, эм... дело в Саре Макхейл.

Детектив Дженнер молча слушал, пока я объясняла, рассказывала то же самое, что услышал от меня Денни. Это не заняло много времени. Ведь со своей стороны я мало что могла рассказать. Лишь то, что случившееся, по мнению всех, в уборной – неправда. Когда я закончила, он откинулся на спинку стула и запустил руки в волосы.

– Ого, – сказал он. – Не то, что я ожидал услышать.

– Извините, – сказала я. – Я собиралась рассказать во время следственного эксперимента, но запаниковала, а история после этого разрослась, и я никому не хотела причинить вред и... – Денни опустил руку на подлокотник и на ощупь отыскал мою. – Извините, детектив Дженнер.

– Я понимаю, – сказал он. – И ценю, что ты мне рассказала, но... Лиэнн, расследование недавно закрыли. И эта информация ничего не изменит. По крайней мере, я ничего не могу сделать.

– О.

– Мы уже сбросили со счетов преступление на фоне ненависти и религиозные мотивы, – объяснил он. – Жертвы были случайными, независимо от того, что произошло или не произошло с Сарой Макхейл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.